

КТО-ТО
ПРОСИТ
ПРОЩЕНИЯ

ВАДИМ

Если человек верит...

ПАНОВ

18+

Настоящий триллер

Вадим Панов

Кто-то просит прощения

«Автор»

2024

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Панов В. Ю.

Кто-то просит прощения / В. Ю. Панов — «Автор»,
2024 — (Настоящий триллер)

ISBN 978-5-17-160752-4

На пустынном берегу Байкала находят умершего от сердечного приступа рыбака. Ситуация кажется очевидной – смерть по естественным причинам, однако у Феликса Вербина возникают сомнения, и он берётся за расследование дела, которого нет, чтобы узнать о старой экспедиции к загадочному мысу Рытому, все участники которой считаются умершими, и о том, как она связана со страшными событиями в современном Иркутске. Байкал – древнее священное море... На его берегах легенды сплетаются с реальностью и становятся частью повседневности, наполняя жизнь необъяснимым. Одни пытаются исследовать загадки Байкала с научной точки зрения, другие верят в их мистическую суть. Кто-то старается держаться от необычного подальше, а для кого-то обращение к Тайне становится последним шансом на спасение. Но у всего на свете есть цена, и иногда она оказывается непомерно высокой.

УДК 821.161.1

ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-17-160752-4

© Панов В. Ю., 2024

© Автор, 2024

Содержание

Байкал, мыс Рытый	8
6 августа, суббота	10
11 лет назад, август	18
9 августа, вторник	24
11 лет назад, август	32
12 августа, пятница	45
11 лет назад, август	57
13 августа, суббота	61
11 лет назад, декабрь	72
Конец ознакомительного фрагмента.	73

Вадим Юрьевич Панов

Кто-то просит прощения

© В. Панов, 2024

© ООО «Издательство АСТ», 2024

* * *

ВАДИМ
ПАНОВ
КТО-ТО
ПРОСИТ
ПРОЩЕНИЯ

Издательство АСТ
Москва

Все персонажи данной книги вымышленные, любые совпадения с реально живущими или жившими людьми, а также с любыми событиями, имевшими место в действительности, являются случайными.

Байкал, мыс Рытый

Это моя история.

И она – только для меня.

Я бы с удовольствием поделился ею – своей историей, с широкой публикой, ведь она в должной мере интересна и поучительна, однако пока получается так, что я навсегда останусь единственным читателем и единственным критиком литературного произведения, которое каждый вечер читаю перед сном. В своей голове. Читаю по несколько страниц книги, которая никогда не будет написана.

Книги о моей жизни.

Её не существует, но я держу её в руках, чувствуя приятную тяжесть «толстого» романа, вдыхаю ни с чем не сравнимый запах только что пришедшего из типографии тома и улыбаюсь, проводя пальцами по обложке. Я не могу увидеть её в деталях, ведь я не художник, знаю только, что обложка строгая, но привлекающая внимание. Я доволен ею и люблюсь всякий раз, когда книга оказывается в моих руках, то есть каждый вечер. Я открываю книгу каждый вечер, но не специально – так получается само, благодаря давным-давно появившейся привычке. Каждый вечер я открываю книгу и читаю свою жизнь. Не перечитываю подряд, от корки до корки, а перелистываю страницы, выбирая отдельные эпизоды или главы, в зависимости от настроения, и погружаюсь в них. В прошлое, ставшее буквами на страницах неизданной книги.

Моей книги.

Которая никогда не будет написана.

Я так и не стал поклонником компьютерных игр, хотя когда-то увлекался ими, как многие мои друзья и сверстники. Я смотрю только нашумевшие фильмы и сериалы – исключительно для того, чтобы поддерживать бессмысленные, но нужные светские беседы. Я люблю театр, но придирчив к актёрской игре и оригинальности пьесы, терпеть не могу нелепое «осовременивание», когда классические пьесы бездарными постановками обращают в глупый фарс, и потому посещаю театры не часто. И книги постепенно превратились для меня в главное и любимое времяпрепровождение. Я на них не заиклен, но читаю много, выбирая не то, что на слуху, а то, что по душе, и старательно избегаю мемуаров, особенно от ещё живых авторов – чтобы не «наслаждаться» безудержным самолюбованием, перемешанным с публичным перетряхиванием грязного белья, что так нравится широкой публике. Кроме того, в мире не осталось людей, историю жизни которых мне хотелось бы знать, тем более в их собственном исполнении. И тут возникает забавная коллизия, поскольку мою книгу можно назвать именно мемуарами. А я читаю её каждый вечер... Без самолюбования, но с большим интересом. Вновь и вновь переживая эпизоды, из которых сложена моя жизнь. Честно описанные эпизоды: поверьте, этот нюанс необычайно важен. Я не выставляю себя в выгодном свете, не пытаюсь ни за что оправдаться и не скрываю того, чего стыжусь – ведь каждому есть чего стыдиться. Я рассказываю как есть, поскольку искренность – основное и единственное достоинство мемуаров. Моя книга искренняя, и поэтому она никогда не будет напечатана.

В ней слишком много признаний, которые нельзя делать.

В ней слишком много деталей, которые нельзя обнародовать.

В ней слишком много эпизодов, о которых должны знать только их участники.

И сейчас я пишу для своей книги ещё один такой эпизод.

Я поворачиваю голову и смотрю на мужчину лет сорока или сорока пяти, сидящего слева от меня. Я не знаю, как его зовут, и никогда не узнаю. Я вижу его лицо – круглое, мясистое лицо простого человека, вижу привычные к труду руки и предполагаю, что его зовут Степан. Не знаю зачем предполагаю, возможно, именно потому, что это не имеет никакого значения. Мужчина одет по-походному: синяя непродуваемая куртка с большим количеством карманов, тёмно-

зелёные рабочие штаны на лямках и коричневые непромокаемые ботинки. Одежда не новая, но добротная. Как и рюкзак. Мужчина спиной привалился к камню, а правым боком – на рюкзак. Он даже не сидит, а полулежит, и если бы не свесилась на грудь голова, можно было подумать, что он любуется невидимым в ночи Байкалом.

Мужчина кажется спящим, присевшим отдохнуть и задремавшим после долгого перехода, но это не так. Мужчина двадцать минут как мёртв.

Это я его убил.

6 августа, суббота

– Это уже Иркутск, да?

Учитывая, что прошло минут двадцать с тех пор, как самолёт стал снижаться, причём именно Иркутск являлся конечной точкой маршрута, вопрос сидящей у иллюминатора девушки прозвучал несколько странно. Однако её сосед, усатый мужчина в светлой рубашке-поло, улыбнулся и подтвердил:

– Совершенно верно, Лера, вы видите Иркутск. Но пока пригороды, если можно так выразиться.

– А где Байкал? – продолжила расспросы девушка, разглядывая землю с высоты птичьего полёта. – С той стороны, да? Я выбрала место с неправильной стороны? Нужно было садиться справа?

Вопросы на мгновение поставили собеседника в тупик, но затем мужчина догадался, что до сих пор Иркутск оставался для темноволосой красавицы лишь точкой на карте, не более, причём на карте мелкого масштаба, на которой город казался расположенным совсем рядом с озером, и через секунду Лера подтвердила его догадку:

– Я всегда думала, что Иркутск стоит на Байкале.

Ну, да, точно, карта мелкого масштаба, а возможно, вообще глобус и большая точка на нём. География редко становится для школьников любимым предметом, а уж география родной страны – тем более. Девушка же была совсем молоденькой, окончившей школу год или два назад, и училась она, судя по вопросам, не то чтобы хорошо. Во всяком случае, географии.

– Иркутск стоит на Ангаре, – нашёлся наконец мужчина. И на всякий случай добавил: – Ангара – это река.

– А Байкал?

– Байкал – озеро. Самое глубокое на Земле.

– Это я знаю, – отрезала девушка. – Где оно? Почему не видно, раз оно очень большое? Реки я видела, а Байкал где? С той стороны самолёта? Я ведь об этом спрашиваю, неужели непонятно?

Мужчина замолчал, потому что ему как раз всё стало понятно, и в разговор вступил третий попутчик – сидящий у прохода парень в чёрной футболке.

– От Иркутска до Байкала примерно семьдесят километров. Это до Листвянки.

– Что такое Листвянка? – поинтересовалась Лера. То ли девушка не считала контекст, то ли не захотела считывать.

– Листвянка – это посёлок, – ответил парень. – Он находится в том месте, где Ангара вытекает из Байкала.

– Как неожиданно, – подняла брови Лера. – Я думала, Ангара в него впадает. Это ведь реки впадают в моря и озёра, разве нет?

– Ну... – Молодой человек широко улыбнулся – а что ещё ему оставалось? – и ответил уклончиво: – Иногда случается наоборот.

Усатый кашлянул и опустил голову.

Парень же продолжил смотреть попутчице в глаза.

Он заметил симпатичную девушку ещё в зале ожидания Шереметьева, чуть не задохнулся от радости, увидев, что они с Лерой оказались соседями по ряду, но не сумел завязать знакомство: девушка сухо представилась, исключительно из вежливости ответив на его предложение познакомиться, затем попросила у стюардессы плед, предупредив, что есть не будет, отвернулась к иллюминатору и сладко проспала всё путешествие, что удаётся далеко не всем.

Леру разбудила стюардесса – когда самолёт пошёл на снижение, и у молодого человека оставалось совсем мало времени, чтобы произвести на попутчицу впечатление.

– А почему они не построили Иркутск на Байкале? – продолжила расспросы девушка. – Было бы красиво: там озеро, там город. И река вытекает отсюда – туда. Можно было бы поставить мост, такой же, как во Флоренции – с разными магазинами, лавками, спа-салонами и пускать на него туристов. Можно за деньги, а можно и так, чтобы покупали что-нибудь. В Иркутске есть мосты?

Мужчины переглянулись, после чего усатый неуверенно ответил:

– Да. – Очень неуверенно, поскольку после высказываний попутчицы он уже ни в чём не был уверен, даже в существовании моста, по которому каждое утро ездил на работу.

– Видите, построили мосты, но не там, где это имело смысл. – Девушка вздохнула. – Всё у нас так: ничего не могут заранее как следует продумать. Чтобы на века, как во Флоренции. И не приходилось потом спрашивать, почему так получилось?

– Ну... – Молодому человеку очень хотелось сказать то, что он думает, но поскольку надежда на интересное знакомство всё ещё сохранялась, он выбрал нейтральную тему для продолжения разговора: – Лера, вы надолго в Иркутск?

– Пока не знаю, – после короткой паузы ответила девушка.

– По работе?

– К жениху.

Ответ должен был смутить собеседника, однако молодой человек не сдался, решив, что столь незатейливым способом его пытаются отшить.

– Сами из Москвы?

– Разве не похоже, что я из Иркутска? – удивилась Лера.

Конечно, не похоже, особенно в свете только что состоявшегося диалога. Однако ответил молодой человек дипломатично, в последний раз попытавшись прорвать оборону понравившейся красотки:

– По вам видно, что вы из столицы.

– А вы внимательный, – рассмеялась девушка. – Я – из столицы, как и мой жених. Он здесь в командировке.

Второе упоминание мужчины, сделанное нарочито уверенным тоном, поставило крест на надеждах парня. Усатый, с интересом прислушивавшийся к разговору, сочувственно вздохнул, а молодой человек грустно уточнил:

– Решили не дожидаться его дома?

– Не терпелось увидеться.

– Повезло ему...

– Ну и надо же где-то начинать отпуск, – продолжила девушка, оставив без комментариев последнее замечание. – Почему не на Байкале?

– Понятно.

И сам ответ, и тон, которым он был произнесён, показали, что знакомства не будет. Ни слова больше.

После приземления молодой человек выскочил из самолёта одним из первых. За ним последовал усатый, бросив напоследок: «Всего хорошего». Девушка же спешить не стала. Осталась в кресле, разглядывая через иллюминатор нехитрый аэропортовский пейзаж и изредка бросая взгляды на толкающихся пассажиров, вышла последней, забрала багаж – большой чемодан ей помог снять с ленты усатый попутчик, и вышла в зал.

– Аркадий!

– Лера!

Разумеется, он встречал её с цветами, как иначе? И, разумеется, сначала обнял и покружил в воздухе. И крепко поцеловал.

– Наконец-то!

Идеальная встреча, как в кино.

– Я очень рада тебя видеть, – прошептала девушка, немножко удивляясь тому, что говорит правду, что действительно влюбилась в этого обаятельного, весёлого и умного мужчину. К тому же – отличного любовника. Влюбилась по-настоящему. Влюбилась настолько, что приехала к нему через всю страну.

– А я – счастлив. Счастлив видеть тебя. – Аркадий вновь поцеловал девушку. – Счастлив, что ты прилетела... ко мне.

– К тебе.

Они не могли оторваться друг от друга и долго, минут пять, просто стояли посреди небольшого зала аэропорта, не обращая внимания на спящих вокруг людей. Они соскучились. Они, наконец-то, встретились. И окружающий мир исчез из их восприятия.

Минут на пять. Примерно...

А затем Аркадий посмотрел на чемодан и шутливым тоном осведомился:

– Это весь твой багаж?

– Я налегке, – рассмеялась в ответ Лера. – Если что-то понадобится...

– У тебя это будет, – не дал ей закончить Аркадий. – У тебя будет всё, что ты захочешь.

– А если я захочу много?

– Значит, будет много.

Деньги у него водились, это девушка поняла при первой же встрече. Аркадий ими не швырялся, тратил столько, сколько нужно, со спокойным достоинством, и было видно, что тратит не последнее. А вот машина – здесь – оказалась скромной, всего лишь «Toyota Camry», и без водителя.

– Таковую выдали, – усмехнулся Аркадий, перехватив взгляд Леры. – А водителя я на сегодня отпустил.

– Чтобы он не мешал?

– Чтобы он не увидел, как я набрасываюсь на тебя на заднем сиденье.

– А ты собираешься наброситься на меня на заднем сиденье?

– Набросился бы. Поэтому и сел за руль.

Она счастливо засмеялась и вновь поцеловала мужчину. Очень крепко. Многообещающе.

* * *

Августовская ночь опускается быстро и всегда темна. Её переполняет предосенний мрак, густой, как чёрные мысли, и ожидание скорого холода. Но именно ожидание, потому что в начале месяца августовская ночь ещё тепла, согретая жарким июлем и таинственно улыбается, обещая привычные летние приключения. Но под пологом совсем не летней тьмы. Глубокой тьмы, в которой звёзды кажутся особенно яркими, особенно – падающие звёзды, а ожидание близкой осени обостряет чувства до отточенности опасной бритвы.

Август именно такой.

И в чернильной тишине его ночей можно с беспечной лёгкостью творить всё, что угодно. Абсолютно всё...

– Чего ты копаешься? – громко спросил Шумахер.

Бочка остановился, тяжело опёрся на лопату, задрал голову, пару секунд раздумывал над неожиданным вопросом, после чего догадался:

– Ты прикалываешься, что ли?

– Это игра слов, – объяснил Шумахер. – Согласись – удачная.

И расхохотался. Стоящие рядом девушки Шумахера поддержали, но приглушённо – атмосфера их немного нервировала. Нет, не мистическое дыхание августовской ночи, а разры-

тая могила на старом иркутском кладбище, возле которой они стояли. Осквернённая могила нервировала, но одновременно возбуждала, вызывая ощущение соучастия в недозволенном, даже преступном действии, идущем вразрез с законом и моралью. Возбуждала запретным, может, не очень желанным, но сладким плодом, вкус которого ярко оттенял принятый недавно алкоголь. Возбуждала тем, что они плюнули на общепринятое, почувствовав себя сильными. И свободными. Готовыми на всё.

Съевшими запретный плод.

Однако его сладость не затуманила голову, заставив позабыть обо всём на свете, в смехе девушек слышались нервные нотки, распознав которые, Шумахер понял, что действие алкоголя ослабевает, и протянул подругам початую бутылку:

– Согрейтесь.

– С удовольствием!

Первой выпила Ангелина, за ней большой глоток виски сделала Кристина, вытерла губы тыльной стороной ладони и громко рассмеялась:

– А ведь и правда игра слов! Забавная!

На этот раз её смех звучал намного естественней, чем пару минут назад, что вызвало у Шумахера довольную улыбку.

– Кому смешно, а кому не очень, – проворчал из ямы вернувшийся к работе Бочка.

– Ты сам предложил развлечься, – напомнил Шумахер.

– Я был пьян.

– Теперь протрезвел?

– Вполне.

– А мне тут нравится, – неожиданно произнесла вновь приложившаяся к бутылке Ангелина.

Шумахер улыбнулся ещё шире, но прокомментировать заявление не успел.

– Сначала, конечно, показалось странным, но теперь... – Ангелина сделала ещё один глоток, отдала бутылку подруге и облокотилась на ближайший надгробный камень. – Сфотографируй меня!

Кристина рассмеялась.

Девушки знали, что Бочка и Шумахер периодически «навещают» кладбища, но впервые оказались на их «развлечении». Были с ними, когда Бочка вдруг предложил «докопаться до какой-нибудь могилы», и с радостью согласились составить ребятам компанию в их предприятии. Из-за любопытства и, конечно, изрядно выпитого. Трезвея, начали нервничать, но сейчас, по мере того как алкоголь восстанавливал утраченные позиции, девушки окончательно раскрепостились: бродили меж могил, тыкали пальцами в «смешные», на их взгляд, фамилии, пинали венки, сломали старый крест и покрасили несколько фотографий чёрной краской, воспользовавшись прихваченным Бочкой баллончиком – раскопка могилы дело небыстрое, время у девушек было.

– Сфотографируй меня!

Шумахер поднял мощный фотоаппарат и сделал несколько кадров. Потом ещё. И ещё. Девушка постепенно заводилась, и кадры становились всё более и более «горячими».

– Нравится? – спросила Ангелина, поднимая руки так, чтобы застёгнутая на одну пуговицу блузка открыла чёрный бюстгальтер.

– Ты же знаешь, что да.

– Тогда не останавливайся.

– Что ты имеешь в виду?

– Фотографируй! – Ангелина дождалась очередной вспышки, расстегнула блузку и поставила ногу на невысокую могильную плиту. – И так!

– С удовольствием. – Шумахер сделал несколько снимков, подошёл к девушке и мягко провёл рукой по её бедру.

Ангелина прильнула к молодому мужчине и крепко поцеловала в губы. Крепко и горячо. И так долго, что сделавшая ещё глоток виски Кристина рассмеялась и спросила:

– Вас сфотографировать?

– Лучше сразу видео, – пробормотал увлечённый Шумахер, чьи руки мягко скользили по телу девушки.

– Пошла жара, – прокомментировала Кристина.

Ангелина захихикала, но в этот момент штык лопаты ударился во что-то твёрдое и Бочка сообщил:

– Докопался.

– Быстро ты... – с лёгким сожалением протянул Шумахер, поцеловал Ангелину и вернулся к могиле: – Гроб?

– Гроб, гроб, – подтвердил Бочка. – На кой ляд они его так глубоко зарыли? Заколебёшься, пока докопаешься.

– Надо было человека нанять, – хихикнула Ангелина, поправляя задранный Шумахером бюстгальтер.

– Вижу, вы время зря не теряли, – заметил Бочка.

– Выбейся из ямы – и тебе достанется.

– Обещаешь?

– Конечно, милый.

– Это старая могила? – неожиданно спросила Кристина.

– Крест древний, вокруг всё заросло... конечно, старая, – ответил Шумахер, не глядя на девушку. – А в чём дело?

– Я вдруг подумала... – Кристина коротко вздохнула. – Там же будет череп? Не голова?

– А что не так с мёртвыми головами? – поинтересовался в ответ Шумахер.

– Они вонючие и гнилые, – помогла подруге Ангелина. И сморщила носик. – Лучше череп. К тому же он прикольное.

– Череп, череп, – сообщил из ямы Бочка. Он как раз сломал крышку гроба и вытащил «сувенир». – Лови.

И бросил добычу вверх.

– Ой!

Не ожидавшая подобного Кристина резко подалась назад, и череп поймал Шумахер. Рассмеялся и сунул его Ангелине:

– Подержи. – А сам наклонился к осквернённой могиле. – Вылезай.

– Руку дай.

Бочка выкинул из ямы лопату, с помощью друга выбрался на поверхность и плюнул в могилу:

– Счастливо оставаться.

Шумахер поддержал друга и сделал глоток из бутылки.

– Мне оставил? – спросил Бочка.

– Конечно. – Шумахер отдал бутылку, в которой оставалось не меньше трети виски, и перевёл взгляд на девушку: – Что скажешь?

– Неплохой экземпляр, – оценила Ангелина, вертя в руках череп. – Сгнил не сильно, крепкий.

– Зачем он вам? – тихо спросила Кристина, которая всё ещё стояла в шаге позади.

– Думаешь, мы в зал черепа из кабинета анатомии принесли? – Бочка вопросительно изогнул правую бровь. – Или ты решила, что это пластиковые китайские поделки с «Али-экспресса»?

- Если так, то за кого ты нас принимаешь? – поинтересовался Шумахер.
- Так все те черепа... – Кристина была по-настоящему удивлена.
- Из могил, – подтвердил Бочка. – Все черепа, которые ты видела в зале – настоящие.
- И когда-то были людьми...
- Когда-то все мы были людьми, – обронил Шумахер.

Сказал, вроде, небрежно, полушутя, однако тон получился таким, что Бочка бросил на друга удивлённый взгляд. Но промолчал.

– Интересно, кем он был? – продолжила Кристина, глядя на череп, с которым продолжала забавляться подруга.

– На табличке было имя, можешь поискать её и узнать, – предложил Бочка.

– Это имя, просто имя, не более, – девушка помолчала. – Неужели вам всё равно, какие дела за ним стоят?

– За именем?

– За именем и за человеком.

– Это была самая обычная, ничем не выделяющаяся могила, – ответил Бочка. – А значит, дела за тем, кто в ней лежит, стоят самые обычные: родился, учился, женился, где-то работал, умер. Всё.

– Теперь лежит без головы, – хихикнула Ангелина.

– Плевать, – добавил Шумахер.

– Всем плевать, – вздохнула Кристина. – А мне всё равно интересно, кем он был? Мужчиной или женщиной? Хорошим человеком или плохим? Чем занимался? Как умер?

– Зачем тебе это знать? – не понял Бочка.

– Мы вскрыли его последний дом и отняли голову... Мне кажется, следует проявить хоть капельку уважения, – ответила девушка.

– Зачем уважение тому, для кого всё закончилось? – искренне удивился Шумахер. – Он гнил здесь десятки лет, и за всё это время им заинтересовались только мы. Есть повод порадоваться.

– Нам?

– Ему.

– Его башке будет намного веселее в нашем зале, чем в сырой земле, – громко рассмеялась Ангелина. Затем поцеловала череп в лоб и прижала к груди. – Вспомни, как это было, дурашка.

– Кажется, кто-то завёлся, – игриво заметил Шумахер.

– Давно уже, – не стала скрывать Ангелина, продолжая тискать череп. – Когда ты меня лапал у могилы.

– Я всё слышал, – вставил своё слово Бочка.

– На самом интересном месте ты заорал, что докопался до гроба. Очень не вовремя.

– А то что?

– А то всё могло пойти очень далеко. – Ангелина задрала блузку.

Кристина закатила глаза. Шумахер сделал маленький шаг к Ангелине, но девушка подбежала к покосившемуся кресту и попросила:

– Фотографируй! – Положила череп на левую ладонь и уставилась в пустые глазницы.

– Какой кадр!

– Может, поедет уже? – спросила Кристина, которую стало тяготить пребывание на кладбище.

– Сейчас поедет, – пообещала Ангелина.

Но вместо того, чтобы направиться к машине, она насадила череп на крест, вновь растегнула блузку и приняла вызывающую позу.

– Фотографируй!

Шумахер издал одобрительное восклицание и поднял фотоаппарат. Бочка же обнял Кристину и предложил бутылку:

– Ещё глоток. Чтобы стало весело... как всем.

– Иди ко мне, – позвала подругу Ангелина. – Почувствуй себя ведьмой!

– Расслабься, – прошептал Бочка. – Сегодня такая ночь...

«Такая ночь...»

Они уже нарушили массу запретов и нарушат остальные. Если, конечно, осталось что нарушать. Они давно вышли за рамки, а здесь, на кладбище, просто переступили через очередную черту, и вседозволенность туманила головы сильнее алкоголя. Им было хорошо.

Кристина сделала глоток крепкого виски и засмеялась. Легко, по-настоящему. Через голову стянула майку, под которой не оказалось ни бюстгалтера, ни топики, и встала рядом с подругой.

– Мы – ведьмы!

И ответила на жаркий поцелуй Ангелины.

– Какой кадр!

Ангелина сбросила блузку, бюстгалтер и шорты. Кристина последовала её примеру и теперь на девушках оставались только трусики.

– Кажется, мы зря не брали их с собой раньше, – пробормотал Бочка, завинчивая на опустевшей бутылке пробку. Оставлять её здесь он не собирался. – Я уже забыл об усталости.

Впрочем, сейчас они с Шумахером готовы были позабыть обо всём на свете – слишком уж горячей получалась фотосессия.

– Мы – ведьмы!

– Да! – поддержал девушек Шумахер.

Но остался на месте, не мешая Ангелине и Кристине резвиться. Остался, несмотря на то, что позы и движения «ведьм» становились всё более призывными. Не откровенно зовущими, но обещающими – девушки знали, как реагируют на них спутники, и давно позабыли о смущении.

– Ночь! Кладбище! Череп! – провозгласила Ангелина.

Она присела перед извивающейся под неслышную музыку подругой, провела руками по бёдрам и стала медленно стягивать трусики.

– Я – ведьма! – воскликнула Кристина, обеими руками поднимая над собой череп. – Вы сделали меня такой! И теперь трепещите!

Шумахер продолжал фотографировать, а Бочка почувствовал, что оставаться сторонним наблюдателем ему осталось недолго – не выдержит. Он медленно, не желая торопиться, расстегнул на рубашке пуговицу, затем ещё одну, понял, что замечен – Ангелина ему улыбнулась и провела языком по губам, расстегнул следующую...

И вздрогнул, услышав изумлённый возглас:

– Что вы здесь делаете?!

«Развлекаться» они приехали на старое и довольно большое кладбище, на территорию проникли через пролом в заборе, могилу выбрали на дальнем краю и надеялись остаться незамеченными. Но, видимо, слишком увлеклись, и громкие голоса, а также вспышки фотоаппарата привлекли внимание местного работника. Или же сторож чересчур хорошо относился к своим обязанностям и не пренебрегал ночными обходами. Но как бы там ни было, старик ошибся, решив, что одного его появления будет достаточно, чтобы хулиганы ретировались. И если девушки среагировали «как положено»: Кристина взвизгнула, Ангелина выругалась, обе похватали одежду и поспешили спрятаться за могилами, то их спутники, убедившись, что сторож явился один, повели себя совсем не так, как застигнутые на месте преступления вандалы.

А может, именно так...

– Вали отсюда, дед! – рявкнул Шумахер. – Такую кайфушку обломал, скотина!

– Что я сделал? – растерялся сторож.

– Проваливай! – Шумахер поднял с земли выроненный девушками череп и показал его старику: – Убирайся, пока я и тебе башку не оторвал, придурку!

– Да что... да вы... – До сторожа только сейчас дошло, что «весёлая» компания не только фотографировалась среди могил, но вскрыла одну из них. И вид развороченного захоронения заставил старика рассвирепеть. – Да что вы такое творите?

Дикость происходящего привела сторожа в неистовство, и он, не помня себя, бросился на Шумахера. Девушки завизжали. Но если Кристина крикнула:

– Не надо!

То Ангелина завопила:

– Дай ему!

И радостно запрыгала, когда Шумахер дал – хладнокровно встретил старика прямым левой, не позволив приблизиться и схватить себя. Удар получился жёстким, нокаутирующим. Пропустив его, сторож даже не вскрикнул – мешком осел, несколько мгновений, покачиваясь, постоял на коленях, а затем навзничь упал на землю. А подскочивший Шумахер несколько раз ударил его ногой:

– Скотина! Сволочь! Всё испортил!

– Оставь его, – буркнул Бочка.

Но Шумахер не услышал или наплевал – продолжил избивать пребывающего без сознания старика до тех пор, пока друг его не оттащил.

– Оставь!

– Он всё испортил!

– Это его работа.

– Так пусть не работает! – Шумахер поправил сбившуюся рубашку и выругался. – Я его на следующий раз учу, старого подонка! Чтобы больше не смел нам мешать!

– В следующий раз он полицию вызовет. – Бочка помолчал: – Если, конечно, останется на такой опасной работе.

Шумахер ударил старика ещё раз, плюнул в него, развернулся и молча пошёл к пролому, через который они влезли на кладбище. У машины задержался, велел девчонкам лезть в салон, а сам взял Бочку за рукав и негромко спросил:

– Может, вернёмся?

– И сбросим его в могилу? – хмыкнул тот. – Прикинь, старик очнётся и увидит, что лежит в яме...

– Сначала лопатой врежем. Так, чтобы не очнулся.

То, что Шумахер говорит серьёзно, Бочка понял мгновенно. Вздрогнул, отрицательно покачал головой, открыл багажник, положил в него лопату и демонстративно захлопнул крышку.

– Что не так? – раздражённо спросил Шумахер.

– Сейчас мы – хулиганы, – ответил Бочка, не глядя на друга. – А если забьём его до смерти, то полицейские начнут кладбища пасти и нас конкретно искать.

– Затаимся на время.

– Зачем отказывать себе в удовольствиях? – Бочка выдал нервный смешок и кивнул на девушек: – И не забывай о свидетелях. Они ведь не дуры, всё поймут... Нам это надо?

Последний аргумент стал для Шумахера решающим. Он пробурчал что-то неразборчивое, но явно недовольное, дёрнул плечом, показав, что согласен, и пошёл к водительскому месту:

– Поехали ко мне. Дача как раз пустая, зависнем на пару дней.

И бросил Бочке череп.

11 лет назад, август

Я всегда любил читать исторические романы.

Даже в детстве и юности, когда мы читаем особенно много и читаем очень разное.

В то время многие мои сверстники увлекались фэнтези, героями меча и магии, бесстрашно нападающими на драконов и побеждающими их... Сейчас я говорю о тех сверстниках, которые читали, а не погрузились в компьютерные игры – их привлекала яркость волшебного мира, определённо выигрывающая при сравнении с обыденностью реальной жизни. Я тоже не прошёл мимо этого литературного направления, однако сильного впечатления оно на меня не произвело. Не могло произвести, поскольку предложенная авторами условность оказалась слишком сказочной и мне приходилось заставлять себя принять её. А где есть усилие, там нет плавности вхождения в авторский мир, и по этой причине фэнтези не смогло меня увлечь. К тому же магия, которая в небольших количествах украшает книгу, для многих писателей превратилась в костыль, которым они подпирают своё неумение выстроить сюжет. Или же с её помощью они скрывают своё дремучее невежество. Исторические книги – совсем другое дело, поскольку описываемые в них события имели место быть. Всё это действительно происходило. Писатели, безусловно, приукрашивают или усиливают некоторые эпизоды, в противном случае они не были бы писателями, однако не способны изменить главного – это было. Женщины гибнущего Владимира действительно пытались спастись в Успенском соборе – и умерли в нём. Женщины Вайнсберга действительно вынесли своих мужей на плечах, а Конрад III их не тронул – потому что дал слово. И оставленная Москва действительно горела, а Наполеон смотрел на неё и понимал, что он пришёл – но не завоевал.

Настоящее.

Я всегда ставил его выше любого вымысла, не умея и не желая сопереживать выдуманным героям. Ведь в реальности, которая кажется обыденной, происходило и происходит множество вещей, достойных толстого, умного романа. Это я знаю точно.

И тогда же, в детстве, меня заинтересовал вопрос, ответ на который я, в силу недостаточного опыта, не смог отыскать сам: почему прижатые к стене воины, находящиеся в крайне невыгодном, не грозящем смертью, а гарантирующим смерть положении, начинали драться с ещё большим ожесточением?

Да, некоторые сдавались, история знает и такие примеры, но ни один из этих случаев не стал образцом для подражания. Сложившие оружие спасли свои жизни, но героями не стали, не могли стать. Они просто выжили, отказались сражаться в безвыходной ситуации, выбрали самый логичный путь, но что помешало другим поступить так же? Почему капитан Руднев повёл «Варяг» в безнадежное сражение против японской эскадры? Почему Беляев, капитан канонерской лодки «Кореец», отправился в прорыв вместе с «Варягом», хотя у «Корейца», в отличие от быстрого крейсера, не было даже мизерных шансов на удачу? Почему защитники Брестской крепости умирали от жажды и ран, но продолжали сражаться в полном окружении?

Почему?

Я спросил у отца и услышал неожиданный ответ:

«Гордость».

Неожиданный, потому что в те годы я ещё не знал, насколько важным является для человека это чувство. Для настоящего человека.

«Гордость?» – переспросил я.

«Гордость» – подтвердил отец.

«Но ведь плен – это возможность спастись. Какая может быть гордость, когда на кону – жизнь?»

«Гордость – это и есть жизнь, сын. И только она даёт человеку надежду».

«А если надежды нет?»

«Надежда есть всегда. До тех пор, пока ты сам определяешь свою судьбу, сам принимаешь решения – у тебя есть надежда. Отдав себя в чужие руки, ты можешь рассчитывать только на милость. А если враг твой дикий и подлый, знающий только ненависть и злобу, то милость его станет для тебя унижением и пыткой. Надежда всегда впереди, и чем выше твоя голова, тем дальше ты видишь...»

Надежда.

Она не умирает последней – она есть всегда. А умирают те, кто перестаёт верить. Перестаёт надеяться. Ведь что бы мы ни делали, к чему бы ни стремились – нас ведёт надежда.

Пусть даже на несбыточное.

///

То лето выдалось в Иркутске жарким. Дождливом, но жарким. В июле температура частенько забегала за тридцать градусов, и лишь начавшиеся в конце месяца грозы принесли старому городу долгожданную и очень приятную свежесть. Август обещал стать таким же, однако его первые дни выдались прохладными, намекающими, что осень не за горами, и сегодняшние плюс двадцать четыре воспринимались с радостью, позволив вновь одеться легко. Но поскольку предстояла поездка на Байкал, да ещё с ночёвками, то собирающиеся на площади Кирова ребята о тёплых вещах не забыли, и их рюкзаки были достаточно объёмными.

А шорты – короткими.

Именно такие выбрала первая пришедшая к месту встречи участница экспедиции – очень короткие джинсовые шорты, с торчащими карманами. Они идеально сочетались с белыми кроссовками и белой футболкой и прекрасно смотрелись на длинноногой загорелой девушке, роскошные чёрные волосы которой были собраны в большой хвост. Из-за него, а другую причёску девушка делала редко, её пытались прозвать Кобылой – в девятом классе, когда она перешла в другую школу. Завистливые одноклассницы принялись взахлёб обсуждать, что хвост называется «конским», надеясь, что к симпатичной новенькой приклеится обидная кличка, но потерпели неудачу, поскольку мальчики, бывшие основной целью этих заходов, сказали, что во-первых, причёска новенькой идёт; во-вторых, завистницы и сами раньше не брезговали собирать волосы на затылке, ну, у кого было что собирать; и мальчики стали звать новенькую так, как её звали чуть ли ни с детского сада – Зеброй, к чему девушка давно привыкла и не обижалась. Бессмысленно обижаться, имея фамилию Зеберг. Только нервы тратить.

Зебра приехала к месту встречи раньше всех и, когда на небольшой парковке остановился «Mitsubishi Pajero», быстро допила газировку, бросила банку в урну и улыбнулась вышедшему из машины Доктору:

– Привет!

– Привет! – Они обменялись быстрым дружеским поцелуем. – Я думал, что буду первым.

– А я думала, что ты будешь с Риной.

– Я хотел, но она отказалась, – вздохнул молодой человек, открывая дверь багажника и укладывая рюкзак Зебры рядом со своим. – Как ты дотащила такую тяжесть?

– Я хрупкая только на вид.

– На вид ты изящная, а не хрупкая.

– Это комплимент?

– Разумеется. Причём очень искренний.

Искренний, но без всякого намёка на флирт – обычный, дружеский комплимент, слегка поднимающий настроение, но абсолютно ничего не значащий.

Доктор захлопнул дверцу, и они с Зеброй вернулись в тень – сидеть в машине не хотелось, лучше уж стоять на лёгком и очень приятном утреннем ветерке. Тем более, путь предстоял не близкий, насидеться успеют.

– Почему Рина не поехала с тобой? – вернулась к теме девушка.

– Не сказала, – коротко ответил Доктор.

– Она...

– Да, в последнее время она немного... – Молодой человек выдержал коротенькую паузу. – Немного не такая, как обычно.

В голосе прозвучал очень лёгкий, едва ощутимый укор, который Зебра без труда уловила. Она прекрасно считывала интонации и настроение Доктора.

– Да... понятно... – В короткий ответ трудно вложить большую грусть, но у девушки получилось. – Извини, что заговорила об этом.

– Всё в порядке. – Доктор достал из нагрудного кармана рубашки пачку сигарет и предложил Зебре.

– Спасибо. – Она прикурила от своей зажигалки, глубоко затянулась и тихо сказала: – Я приехала первой, надеясь поговорить с тобой наедине.

– Я догадывался, что нам потребуется кое-что обсудить, – в тон ей ответил Доктор. – Поэтому тоже приехал задолго до времени.

– Ты шутишь? – удивилась Зебра.

– Нет.

– Ты знал, что я приеду раньше? Я ведь не говорила.

– Тебе не нужно говорить.

Он читал Зебру так же легко, как она – его. Они понимали друг друга с полуслова, как настоящие друзья, хотя познакомились меньше года назад.

Познакомились благодаря Рине.

– Спасибо. – Короткая, в одну затяжку, пауза. – Тебя тоже это напрягает?

И снова без уточнений – они не требовались.

– Напрягает, но так хочет Рина. – Тон Доктора не оставлял сомнений в том, что он, так же, как и девушка, не в восторге от происходящего.

– А ты? – Зебра посмотрела мужчине в глаза. – Что думаешь ты?

– Ты знаешь, что я думаю. Или догадываешься.

– То же, что и я.

– То же, что и ты. – Он вздохнул и перевёл взгляд на машину.

До времени встречи оставалось десять минут.

– Я... не могу сказать, что сильно верю, – очень тихо продолжила Зебра. – И то, что мы задумали, меня... смущает.

Девушка явно хотела высказаться иначе, но в последний момент выбрала максимально нейтральное определение.

– Тогда зачем едешь? – грустно спросил Доктор.

– Ты знаешь зачем. Или догадываешься. – Зебра специально ответила так. – У меня нет никого ближе Рины, и я... я помогу ей всем, чем могу. Буду поддерживать во всём.

– Но ты сомневаешься. – Он не обвинял, а констатировал. Как настоящий, пронизательный врач. – Ты не веришь.

– Главное, что верит она. И ей нужна наша поддержка. – Зебра посмотрела на тлеющий кончик сигареты. – Ты тоже не веришь.

– Но буду делать вид.

– Как и я. – Зебра с грустью подумала, что они с Доктором многое делают абсолютно одинаково. И делают, и думают. Как получилось, что они не вместе? Почему он заметил Рину,

а не её? – Будет хорошо, если кто-то из нас сумеет сохранить холодную голову. Хотя бы один. А лучше – двое.

– Да, холодные головы нам пригодятся. – Доктор докурил, смял окурочок об урну и тут же закурил снова. – Помимо всего прочего, меня сильно напрягает тот факт, что наша поездка – идея Кейна.

Сказал – и удивился, а потом поймал себя на мысли, что искренность в их отношениях была правилом, а не исключением, и удивление исчезло. Они с Зеброй всегда были честны друг с другом, и по молчаливой договорённости не поднимали только одну тему – их отношений.

Которых не было.

– Тебя беспокоит Кейн, потому что ты не доверишь Рине? – удивилась девушка.

– Я не знаю, что буду делать, если у Кейна получится задуманное.

– Получается, ты – веришь?

На этот раз пауза продолжалась три затяжки, во время которых он успел вытереть выступивший на лбу пот. И лишь потом очень тихо ответил:

– Я надеюсь.

– Но не хочешь, чтобы получилось? – И прежде, чем Доктор ответил, Зебра продолжила: – Чего ты не хочешь больше: чтобы не получилось или чтобы не получилось у Кейна?

– Если не получится вообще, это будет означать, что не получилось у Кейна.

– Я спрашивала о другом.

Он прекрасно понял, о чём она спрашивала, но не хотел отвечать на этот вопрос. На очень трудный, весьма болезненный для него вопрос, и поэтому вновь попытался сменить тему:

– В действительности, меня тревожит другое: что будет, если у Кейна получится?

– Что будет с Риной или у вас с Риной?

Доктор ответил девушке очень долгим взглядом. Который она выдержала. Знала, что бьёт по больному, но всё равно спросила. Была готова к любой реакции и потому сдержала взгляд. Увидела в его глазах ярость, но не изменилась в лице, продолжила смотреть спокойно, давая понять, что не собиралась обижать или оскорблять, и с трудом сдержала радостную улыбку, когда Доктор всё правильно понял.

А он действительно понял.

Шумно выдохнул, показав, что Зебра прошла по очень тонкому краю, и ответил:

– Ты предлагаешь начать разбираться в том, что ещё не произошло. И может не произойти. Я бегу от этих вопросов, но не могу убежать – они возвращаются. Я бьюсь над ними всю неделю, начал воспринимать их гораздо спокойнее, чем в начале, но со стороны они звучат очень... резко.

– Извини.

– Я тебе благодарен.

И кивком указал на идущего к машине парня, опоздавшего всего на пять минут.

Откровенный разговор закончился.

– Кислый, ты чего кислый? – рассмеялся Доктор, обмениваясь с ним рукопожатием.

– Старая шутка, – пробормотал парень. – Привет.

– Привет.

– Привет, Зебра. – Их поцелуй получился ещё более быстрым и дружеским, чем поцелуй девушки с Доктором. Даже не дружеским – приятельским. – А где все?

– Тебя ждём.

– Я что, последний?

– Нет, ещё Рина.

– Я думал, ты с ней приедешь.

– Она сказала, что ты всё равно опоздаешь.

– И решила опоздать сама?

- Да.
 - Женщины, – вздохнул Кислый. – Они всё решают за нас.
 - Когда-нибудь ты станешь идеальным мужем, – хмыкнул Доктор.
 - Это каким?
 - Подкаблучником.
 - С чего ты взял?
 - Ты в самом деле не понял?
- Зебра прыснула. Кислый не обиделся.

Он был молодым и отнюдь не зажатым, обыкновенным парнем, умеющим и пошутить, и повеселиться, но при этом беззлобным и очень мягким. А кличку свою получил за подаренное матерью-природой, при посильном участии родителей, лицо – подбородок у него был узким и заострённым, из-за чего обыкновенных размеров нос казался большим, а уголки губ – всегда опущенными.

Кислый был близким другом Кейна – лидера сетевого сообщества «Байкальские тайны» и организатора поездки, продолжать при нём свой откровенный, но весьма сомнительный, с точки зрения Кейна, разговор Зебра и Доктор не могли, вот и перешли на лёгкий, ни к чему не обязывающий треп.

– Я думал, внедорожники больше, – произнёс Кислый, заглядывая в салон. До сих пор кататься в «Рајего» Доктора ему не доводилось.

– Извини, большие закончились, пришлось взять этот.

– Тоже неплохой.

– Спасибо.

– Поместимся, – добавила Зебра.

– Туда – да, оттуда будет тесно.

– Разве Кейн не на своей машине? – удивился Доктор.

– А... точно. – Кислый виновато улыбнулся. – Тогда и обратно поместимся.

– Почему ты с ним не поехал? – вдруг спросила Зебра. Спросила обыкновенно, по-приятельски, потому что, учитывая их дружеские отношения, Кислый должен был отправиться на Байкал с Кейном. Но Доктор сумел услышать в голосе девушки лёгкую настороженность – присутствие Кислого не вызывало у Зебры восторга.

– Он меня не взял. Сказал, что буду мешать.

– Готовит сюрприз?

– Не знаю.

Ответ прозвучал торопливо и не очень уверенно, из чего стало понятно, что Кислый знает причину, по которой Кейн велел ему ехать с Доктором и девушками, однако рассказывать о ней не будет. Ну, разве что случайно проговорится, что маловероятно, поскольку запреты Кейна Кислый соблюдал свято. И, чтобы сменить тему, быстро спросил:

– Как вам идея Кейна?

– Мы едем, – коротко ответил Доктор.

Ответил так, будто констатация факта всё объясняла. Впрочем, она действительно всё объясняла, но простого ответа Кислому оказалось мало.

– Неожиданная идея, да? Никто не думал, что Кейн предложит что-то подобное.

Зебра бросила быстрый взгляд на Доктора и едва заметно улыбнулась, поняв, что он правильно прочитал ситуацию: Кейн поручил приятелю выведать настроение группы, а плохой интриган Кислый не нашёл ничего лучше, чем задать прямой вопрос. И услышал в ответ именно то, что должен был услышать:

– Мы едем, – повторил Доктор.

А Зебра кивнула, показав, что решение принято и говорить не о чем.

Тем не менее Кислый хотел продолжить, даже рот открыл, готовясь задать следующий вопрос, но из переулочка вышла Рина, Доктор молча поспешил навстречу девушке и забрал у неё рюкзак.

- Я мог за тобой заехать.
- Я добралась на такси.
- Почему не сказала подъехать к машине? Зачем таскать тяжести?
- Со мной всё хорошо.

Выглядела девушка превосходно: не очень высокая, на полголовы ниже подруги, Рина могла похвастать восхитительно округлыми формами, которые сейчас подчёркивали джинсы и тоненькая майка. Густые каштановые волосы пострижены в каре до плеч, маленький нос чуть вздёрнут, под ним – припухлые, изящно очерченные губы, но главное – глаза: большие, выразительные, карие глаза. Притягивающие. Манящие. Обещающие...

Эту девушку Доктор поцеловал совсем не дружески – страстно, поцеловал так, как любил. А поцеловав, чуть отстранился и тихо спросил:

- Как ты себя чувствуешь?
- Нормально.
- Как спала?
- Без тебя было скучно и одиноко.
- Извини.
- Это ты извини.

Рина часто оставалась в его квартире, а Доктор у неё – никогда. Поэтому сегодняшнюю ночь они провели не вместе.

- Вижу, Зебра и Кислый уже здесь.
- Да.
- Извини, что пришлось меня ждать.
- Не говори ерунды, – отмахнулся он. – Ты приехала тогда, когда сочла нужным.
- Подожди. – До машины оставалось шагов десять, и Рина придержала Доктора за руку.

Заставила повернуться и посмотрела в глаза. – Спасибо.

Он понял, что девушка благодарит отнюдь не за ожидание, и мягко ответил:

- Ты ведь знаешь, что я сделаю для тебя всё. Абсолютно всё.
- Но это... – Рина вздохнула. – Я знаю, что это слишком. И благодарна, что ты со мной.
- Нет. – Он легко коснулся пальцами щеки девушки. – Ничего не слишком, когда речь

идёт о тебе.

9 августа, вторник

Если на душе тяжело, нужно поменять небо.

Хоть ненадолго улететь из любимого города, по улицам которого стало тяжело ходить, который стало трудно видеть, в котором стало больно дышать. Из города, в котором он не сумел уберечь любимую женщину.

Улететь из Москвы.

Улететь, чтобы потом вернуться, через время, которое лечит, и не только потому, что Москва – это место работы и карьеры. За этим в Москву возвращаются те, кто ради работы и карьеры в Москву перебрался: ругаются, но возвращаются, мечтая поскорее заработать на пенсию или дослужиться до неё, и уехать из места, позволяющего на себе зарабатывать тем, кто его не любит. Феликс же свой город любил и знал, что вернётся в него с радостью. Но сейчас им необходимо расстаться. Необходимо ненадолго поменять небо, но не душу, ведь Москва всегда будет в душе Феликса Вербина, в его сердце. Пусть сейчас оно и кровоточит открытой, невыносимо болящей раной. Феликс знал, что однажды рана превратится в рубец и город в этом поможет, но сейчас он берёдил её, заставляя страдать и мучиться.¹

Феликс уезжал.

А Москва молча наблюдала за тем, как Вербин добирается до «Савёловской» и садится в аэроэкспресс до Шарика, начав большое путешествие с малого пути. В аэропорт, в терминал «В», который по привычке называл «новым», Феликс приехал за пару часов до вылета. Регистрировался заранее, с собой лишь ручная кладь, поэтому в очереди стоять² не пришлось, только на досмотре, но двигалась она быстро. Оказавшись внутри, Вербин отыскивал нужные посадочные ворота, подошёл к панорамному окну и остановился, машинально ища на поле «Рюмку». Смешно, конечно – знаменитый посадочный павильон, круглый и оригинальный символ Шереметьева снесли ещё в 2015-м, посчитав, что современное квадратное лучше изящного старого, но взгляд продолжал искать его на поле. И всё благодаря яркому детскому впечатлению: первый полёт, точнее, в тот момент – ожидание первого полёта, волнение, суетящиеся родители: «Билеты проверь! – Куда они денутся? – А паспорта у тебя? – У тебя в сумочке. Вместе с билетами». Лимонно-жёлтое такси до аэропорта – в «Волгах» пахло совсем не так, как в «Жигулях», строгие контролёры и потрясение – стоящее прямо на поле здание. А вокруг – самолёты. «Папа, что это? – Из него выходят на посадку». Красиво! А к красоте быстро привыкаешь, красота покоряет и захватывает. И остаётся с тобой надолго и, даже исчезнув, постоянно о себе напоминает, заставляет оглядываться даже сейчас, через много-много лет, когда мало кто из посетителей Шарика поймёт, что ищет на поле Вербин. Люди ведь легко забывают то, что было раньше. Зачем засорять голову? Исчезло и исчезло, значит, не было особенно нужным – ни само строение, ни история аэропорта. Разрушим и забетонируем. А потом приедем в какое-нибудь европейское захолустье, будем умиляться старому домику и вздыхать: «А у нас таких не сыщешь...» Действительно, почему не сыщешь? Загадка...

Привычно поискав взглядом «Рюмку» и привычно её не найдя, Феликс пробормотал: «Опомнись», и встал в очередь на посадку – её как раз объявили. В результате, оказался в салоне одним из первых и уверенно прошёл к креслу у аварийного выхода – в ряду для «длинноногих». Когда приходилось летать, тем более – далеко, Вербин не жадничал и доплачивал авиакомпании за комфортное размещение, иначе прилетал к месту назначения с гудящими коленями. Если не успевал зарегистрироваться у аварийного выхода, брал места у прохода, в который можно было вытянуть ноги, но на этот раз ему повезло – тринадцатый ряд оказался

¹ «Caelum, non animum mutant, cui trans mare current». – «Небо, а не душу меняют бегущие за море» (лат.).

² Шарик (сленг.) – аэропорт Шереметьево.

почти свободен, и Феликс выбрал место «F», у окна. Заодно поразился тому, что не занятым оказалось кресло «F», а не «A», потому что спать в самолёте Вербину было удобнее на правом боку.

Устроившись, Феликс некоторое время поиграл в бесхитростную игру «Угадай попутчика» – таранился на идущих по проходу пассажиров, пытаясь понять, кто из них проведёт шесть часов в соседнем кресле, не угадал, вспомнил, что забыл написать друзьям, что в самолёте, взялся за телефон, отправил пару сообщений, машинально углубился в новостную ленту и вздрогнул от неожиданности, услышав насмешливое:

– Так вот кто успел к иллюминатору раньше меня.

Оторвался от телефона и посмотрел на высокого блондина, который уже положил багаж на полку и теперь с любопытством разглядывал Вербина. Блондин был не просто высоким – благодаря широким плечам и плотному сложению, он казался огромным, и даже Феликс, со своими ста девятистами четырьмя сантиметрами роста, выглядел на его фоне довольно скромно. Тощим Вербин никогда не был, но при этом, несмотря на подходящие данные, никогда не стремился «накачаться», сохраняя комфортный для себя вес. А вот попутчик, похоже, в зал заглядывал не только для поддержания формы и его мощную фигуру прекрасно подчёркивал элегантный дорожный костюм.

О существовании подобной одежды Феликсу было известно исключительно из книг, действие которых разворачивалось в конце XIX – начале XX века. Другими словами, речь шла о давно исчезнувшем из обихода артефакте из прошлого, однако увидев, во что одет блондин, Вербин мгновенно припомнил это сочетание – «дорожный костюм»: удобный, красивый, явно сшитый на заказ. Его дополняли сорочка, галстук и мягкие кожаные туфли. Блондин же по очереди оглядел кроссовки, джинсы и футболку Феликса... и тоже ничего не сказал. Зато наклонился к стюардессе и что-то прошептал ей на ухо, девушка рассмеялась, и Вербин понял, что она покорена и проблем с обслуживанием у попутчика не будет. Блондин же добродушно улыбнулся стюардессе, снял пиджак и отдал ей, видимо, повесить на «плечики», оставшись в жилете и сорочке. Ослабил узел галстука, уселся в крайнее, у прохода, кресло и повернулся к Феликсу.

И они долго, почти полминуты, смотрели друг на друга. Моргали, конечно, не дети всё-таки, но молчали. Затем Вербин заинтересовался:

– В «бизнесе» мест не хватило?

И услышал в ответ громкий, необычайно заразительный смех.

– Что меня выдало? – отсмеявшись, спросил блондин.

– Галстук очень красиво завязан.

– Научить этому узлу?

– Вы не похожи на человека, который сам себе завязывает галстуки, – заметил Вербин.

– А как иначе? – удивился в ответ попутчик. – Галстук – это не «что-то там на шее мешается», но главный элемент мужской индивидуальности – сейчас мы говорим об одежде, как вы понимаете. Галстук – это единственное, что нельзя дарить мужчине по праздникам, тем более – женщинам. Ну и... я не женат.

Как и большинство здоровенных, понимающих свою силу мужиков, блондин был добродушным, во всяком случае, хотел таким казаться. Лицо он имел располагающее, большие серые глаза смотрели приветливо, а густая, идеально подстриженная борода – на взгляд Феликса, длинновата, но в целом, нормально – добавляла шарма, а не казалась данью моде.

– Поверьте – я никогда не знакомлюсь с попутчиками. Но для вас сделаю исключение. – Он протянул руку. – Александр.

– Феликс, – ответил Вербин, отвечая на рукопожатие. Крепкое, но не нарочитое: блондину не требовалось доказывать окружающим свою мощь, и он всем пожимал руки с одинаковой силой. Ну, наверное, за исключением стариков, женщин и детей. – Очень приятно.

- Взаимно.
- Почему решили оказать мне честь?
- Вы наглый, – с улыбкой ответил Александр, глядя Вербину в глаза. Ответ ни в коем случае не был оскорблением: Феликс спросил – блондин ответил. Причём подразумевалось, что окажись Вербин обычным, вежливым, рука не была бы протянута.
- Может, дерзкий? – предложил свою версию Феликс.
- Нет, именно наглый, – покачал головой Александр. И на всякий случай добавил: – Но это не оскорбление.
- Я понял, – кивнул Вербин.
- Это у вас врождённое, нечто такое, чему вы не в состоянии противиться и не способны контролировать. Это здоровый признак столичного жителя, – продолжил блондин, не дожидаясь ответа. – Ма-асквич, да?
- Александр намеренно подчеркнул в этом слове знаменитое московское «аканье».
- Коренной.
- То есть не прибыли из какого-нибудь имперского захолустья с прочей пеной перестройки?
- Живём в большой деревне, сколько себя помним, ещё прапрадед мой к колодцу на Ордынке бегал, – в тон собеседнику ответил Феликс и ехидно поинтересовался: – Хотите угадаю, откуда вы?
- Институт Отта, – с гордостью произнёс Александр. – Вам это о чём-то говорит?³
- Достоинно, – кивнул Вербин. – Потом, конечно, физико-математический лицей? Двести тридцать девятый?
- Как вы догадались?
- По узлу галстука.
- Я ведь говорю – наглый. – На этот раз Александр не рассмеялся – захохотал. – Кажется, я рад, что мы познакомились.
- Я пока не знаю, но близок к тому, чтобы с вами согласиться, – улыбнулся в ответ Феликс. – В Иркутск по работе?
- Совмещаю приятное с полезным: предложили две командировки на выбор – Иркутск или Владивосток, я и вспомнил, что никогда не был на Байкале.
- А во Владивостоке?
- Тоже не был.
- Монетку бросали?
- Решил начать с того, что ближе. – Александр пожал могучими плечами и поинтересовался: – А вы?
- Только отпуск, – ответил Вербин. – Никаких командировок.
- В отпуск в одиночестве? Или догоняете друзей?
- Друзья в Иркутске, – уточнил Феликс. – Позвали посмотреть Байкал.
- Тоже впервые?
- Один раз выбирался. Давно.
- Вот и я впервые. – Александр по-прежнему не заморачивался с выслушиванием ответных реплик. – Честно говоря, я бы от этих командировок отболтался, всегда отбалтывался, но потом подумал: какого чёрта? Жить в России и не побывать на Байкале – глупо и в своём роде неприлично. Как там: «Славное море – привольный Байкал, славный корабль – омулёвая бочка». Помнишь классику? Ничего, что я на «ты»? Вот и славно. Омuléвая бочка, да... легендарная, если вдуматься, ёмкость. У меня друг периодически в Иркутск мотается, омуля приво-

³ НИИ акушерства, гинекологии и репродуктологии им. Д.О. Отта – включает в себя один из самых известных родильных домов Санкт-Петербурга.

зит, ну, рыба как рыба, но я решил посмотреть, откуда она берётся и вообще, есть ли это озеро или название напитка полностью выдуманно. Жаль, что в нём купаться холодно, но проверим. Я к холодной воде привычный, у нас, в Питере, тёплую воду даже летом не часто включают, Балтика, слышал? Ну, как, Балтика – Финский залив. Нет, я его люблю и всё такое, но, собака, холодный, конечно. Ты сам из Москвы? Ну, не расстраивайся. Так вот, Байкал, вроде, пресный, а в остальном такой же холодный, как залив. И сам Иркутск, конечно, город интересный: шаманы, декабристы, Колчака расстреляли... за один день посмотреть не успеешь. В общем, я решил порешать командировочные дела и задержаться. А ты надолго?

– На неделю, не меньше. А там – как пойдёт.

Феликс пока не знал, сколько времени ему понадобится, чтобы захотеть вернуться в Москву. Не испытывая при этом... острой боли. Потому что болеть его душа будет всегда.

– Хорошо, когда отпуск длинный и можно самому решать, что с ним делать, – прокомментировал его слова Александр.

– Ну... не то, чтобы...

– Или ты какой-то из творческих? Писатель там, или художник? И располагаешь своим временем?

– Разве плохо быть кем-то из творческих? – удивился Вербин.

– Наверное, нормально, я не пробовал, поэтому точно не знаю, – свободно ответил Александр. – Но пьёте вы много.

– Не я – они.

– Тогда хорошо. – Однако понять, что именно «хорошо», из ответа блондина не было никакой возможности. То ли то, что Феликс не оказался писателем или художником, то ли то, что много пьёт не он, а некие «они». – Я тоже как-то думал написать книгу, но потом понял, что народа ещё много в живых осталось, может возникнуть недопонимание: кто-то себя не найдёт, кто-то, наоборот – узнает, а оно мне надо? Ну, или, например, заявятся ребята из налоговой, там ведь не по всем делам срок давности истёк, и начнутся глупые расспросы: «Что это у вас, голубчик, на сто тридцать девятой странице приблизительно на восемь лет с конфискацией написано?» Вот и получается: что рассказать есть, амбиций полно, русский литературный вроде нормальный, а с книгой обождать придётся – пока народ перемерёт, да сроки истекут. Ну, я человек молодой, подожду...

– Послушайте, молодой человек, вы не могли бы вести себя потише? – попросил сидящий позади мужчина.

Увлёкшись разговором, Феликс и Александр не обратили внимания ни на руление, ни на взлёт, пережив которые, некоторые пассажиры решили вздремнуть и оказались весьма недовольны шумными соседями.

Услышав вопрос, Александр обернулся, обаятельно улыбнулся и ответил:

– Мог бы, но зачем?

Ответ прозвучал настолько спокойно и естественно, что сосед не уловил нахальный подтекст и объяснил:

– Люди пытаются спать.

– У нас ночной рейс, если вы не заметили, – добавил второй мужик.

– А вы правда спите в самолёте? – притворно изумился Александр.

– Да.

– Разумеется.

– То есть вас совсем не пугает, что вы находитесь на высоте десять тысяч метров и со скоростью девятьсот километров в час мчитесь в весьма условном направлении? Будучи запёртыми в железяке, весом девяносто тонн? Вы вообще можете себе представить девяносто тонн? Я в армии танкистом служил, знаете, сколько танк весит? Сорок тонн. В два с лишним раза меньше. И он по земле ползает, понимаете? Ему падать некуда. Хотя с чего там падать? Вы спо-

собны поднять сорок тонн? Мало кто может. И танк сам себя высоко не поднимет, разве что прыгнуть может, если разгонится, и то недалеко. А мы сейчас на десяти тысячах метров! Вы знаете высоту Эвереста? Восемь километров. Знаете, сколько до него отсюда спускаться надо? Например, на санках? Два километра строго вниз. – Александр указал глазами на пол. – А наши санки весят девяносто тонн, и возникает вопрос: как они вообще на такую высоту взобрались?

Мужики переглянулись.

– Иногда нужно задумываться над тем, что нас окружает, – серьёзно и с большой грустью произнёс Александр. – И тогда сон уходит сам собой. – После чего вновь повернулся к Феликсу и как ни в чём не бывало поинтересовался: – Так на чём мы остановились? – Но ответить не позволил: – Ты по какому ведомству проходишь?

– На государственной службе, – сказал Вербин, мысленно отдавая должное проницательности попутчика.

– Не в налоговой?

– Нет.

– Всё равно неплохо, – поразмыслив, решил Александр. – Времена сейчас непростые, лучше быть поближе к казне. У тебя во фляжке что?

– Ты заметил фляжку? – искренне удивился Феликс.

– Я по молодости в пограничных войсках служил, – ничуть не смущаясь, рассказал «танкист». – Глаз намётан, знаешь ли. Так что припас?

– Виски.

– Отлично, – одобрил Александр. – Я после него сплю, как младенец. – И вызвал стюардессу. – Олечка, солнышко, завари нам с другом, кофе, пожалуйста, спасибо, звёздочка моя. – Улыбнулся вслед удаляющейся девушке и продолжил: – После кофе я тоже сплю, но не как младенец, а как взрослый мальчик. Такой, знаешь, лет тридцати пяти... – Блондин неожиданно замолчал, внимательно посмотрел на Феликса и спросил: – Почему ты всё время молчишь? Расскажи что-нибудь о себе.

* * *

Волосы разметались по подушке. Глаза закрыты, а рот чуть приоткрыт. Дыхание ровное. Спит...

Немного беспокойно, но точно спит. Кулачок левой руки крепко сжат, как, бывает, сжимают его младенцы.

Маленькая...

Впрочем, не такая уж и маленькая.

В комнате жарко, во сне Лера скомкала одеяло в ногах, а свободная футболка – её единственная одежда, задралась, и теперь девушка лежала обнажённой, а поскольку мужчина, которого Лера знала под именем Аркадий, наблюдал за ней с помощью видеокамеры, в некоторые моменты ему начинало казаться, что он видит затянувшееся вступление к фильму для взрослых. Камера была дорогой, с хорошим разрешением, и бросив на картинку несколько взглядов подряд, Аркадий рассмеялся, пробормотал:

– Это неизбежно. – Приблизил изображение и стал медленно, очень внимательно разглядывать спящую красавицу.

Не толстенькую, но изящно округлившуюся молодую женщину с покатыми плечами, небольшой, на «троечку», но очень красивой грудью с крупными тёмными сосками, и тонкой талией, подчёркивающей крепкие бёдра. Ни намёка на юношескую худобу, что Аркадию очень нравилось – он любил, когда молодые девушки могли похвастаться развитой женственной фигурой. Глаза у Леры были тёмными, маленькими, но очень яркими, живыми и смеш-

ливыми. Сейчас закрыты, но Аркадий их прекрасно помнил. Ему нравилось в них смотреть. Завершали картину чёрные брови, аккуратный носик и полные, чётко вырезанные губы идеальной формы. Девушка возбуждала Аркадия. А когда она перевернулась на живот, показав камере округлую попу, мужчина пробормотал:

– Нет, это невозможно. – И отвернулся от монитора, на который шла «картинка» с камеры.

И улыбнулся, подумав, что может в любой момент, когда только пожелает, войти в комнату и полюбоваться спящей девушкой. Прикоснуться к ней. Поцеловать. И даже взять её. Но в подглядывании была своя прелесть, приносящая необычное, ни на что не похожее наслаждение. Ведь Лера не знала, что Аркадий за ней наблюдает, и вела себя естественно, очень по-настоящему, что умиляло и возбуждало мужчину. Возбуждало настолько, что он с трудом заставлял себя переставать любоваться Лерой.

Но и дела сами себя не сделают. Тем более – важные дела.

Аркадий вернулся к ноутбуку, который успел свалиться в «спящий режим», запустил программу, положил руки на клавиатуру, собираясь поработать, но понял, что видит не цифры и буквы, а раскинувшуюся на кровати Леру. И не просто видит, а чувствует её запах, слышит её тихое дыхание, ощущает её близость – физически! – ощущает, что она рядом, и хочет...

Самое удивительное заключалось в том, что Аркадий не хотел заняться с девушкой любовью. То есть хотел, но не сейчас. Сейчас он испытывал иное желание – сказать, обратиться к ней, выговориться. Вид спящей красавицы пробудил в Аркадии чувства, о существовании которых он давно забыл. Но к которым был готов. И которых жаждал.

Аркадий хотел быть нежным.

И хотел говорить с чудесной девушкой, слышать её голос, её рассказы, но в первую очередь – хотел говорить сам. Хотел поделиться тем, что у него на душе. Тем, о чём никогда никому не рассказывал.

Поэтому Аркадий закрыл программу, отставил ноутбук, вышел из кабинета и быстрым шагом добрался до комнаты девушки. Метрах в пяти от неё стал ступать тише – Лера же спит! – дверь открыл бесшумно, однако внутрь не вошёл. Остановился на пороге и долго, почти две минуты, смотрел на спящую девушку. И лишь потом решился заговорить. Но очень-очень тихо, почти шёпотом, боясь нарушить сон своего сокровища.

– Так получилось, что я никогда в жизни никому не говорил о чувствах. Я имею в виду – о настоящих чувствах, тех, которые действительно наполняют душу. Но при этом я хорошо знаю, что нужно говорить женщинам, как нужно говорить женщинам, как ласкать вас словами, какими словами и с какой интонацией. Я очень хорошо это знаю и умею. И мне всегда казалось, что это и есть разговор о чувствах – лёгкая ложь, которая приводит к приятному продолжению. Нет, не казалось – я в этом не сомневался. Я думал, что большего не существует, но однажды встретил женщину... не ревнуй – это было давно... я встретил... – на губах Аркадия появилась грустная улыбка. – Я встретил... я шептал ей привычные слова и лишь потом задумался о том, что все они, все те слова, что я шептал привычно, – я произносил их совершенно по-новому. Я жил этими словами. Я остро чувствовал каждый их звук и то, что они означают. Я понимал смысл этих слов, а не повторял работающий алгоритм. Привычно. Я это понял, когда стало слишком поздно – я потерял ту женщину. И в следующий раз мои слова вновь звучали глухо. Привычно. Ты не представляешь, как я тогда на себя злился, как ругал себя за то, что говорил ей только стандартные слова, пусть и говорил от души. Я ругал себя за то, что не рассказывал ей о своих чувствах по-настоящему, пусть не так гладко, как это звучало... привычно... для меня... Зато по-настоящему, потому что второго шанса у меня не было. В жизни редко бывает второй шанс. И я свой упустил.

Аркадий провёл пальцами по дверному косяку. Он жаждал коснуться девушки, но Лера спала, а будить её он не хотел. Да и так, наверное, было лучше – без касаний. Издалека. Едва различимым шёпотом.

– Я не жалуясь. Я рассказываю, как есть.

Ещё одна пауза.

– Я был близок со многими женщинами, ты ведь понимаешь, что не первая... Не обижайся, но так получилось. Вы входите в мою жизнь и приносите в неё нечто новое, каждая – своё. Ни одна из вас не идеальна, но каждая уникальна, а главное – вы все избраны. Да, не спорь – избраны. Тебе может показаться, что встреча... что наша встреча, которая полностью изменила твою судьбу, была случайной, что тогда, в московском баре, ты была слишком пьяна и только потому повелась на мои речи, но это не так. Ты не была сильно пьяна, Лера, твой взгляд безразлично скользил по сидящим в баре людям... безразлично... до того мгновения, пока ты не увидела меня. И вспыхнула искра, которую невозможно не почувствовать. Ты увидела меня, хотя я всегда сажусь в углу, не привлекаю внимания и внимательно наблюдаю. Я тоже разглядываю посетителей, но в отличие от тебя не лениво, от нечего делать, а целенаправленно – я ищу правильный взгляд. Бывает, ухожу из заведений в одиночестве на протяжении нескольких дней и даже недель. Но я не волнуюсь и не беспокоюсь, я знаю, что обязательно встречу ту, единственную, особенную женщину, которая посмотрит на меня так, что не останется сомнений – она пойдёт за мной куда угодно. В этом есть что-то мистическое. Я ведь просматриваю огромное количество претенденток. Я осторожен и терпелив, я умею видеть правильные взгляды, но каждый раз изумляюсь тому, как это работает. Как тесно сплетаются наши судьбы. Какое доверие мы начинаем испытывать друг к другу. И, кстати, я встречал правильные взгляды не только в барах – ещё в парках, магазинах, метро, просто на улице... Везде находятся женщины, замечают того, кто не хочет быть замеченным. Что-то заставляет вас обращать внимание именно на меня. Мы начинаем разговаривать. Через десять минут станем лучшими друзьями. На следующее утро просыпаемся влюблённой парой. А потом мы становимся очень и очень близки. – Аркадий вновь выдержал паузу. – Ты уже догадываешься, насколько тесным будет наше знакомство, но стараешься об этом не думать. Ты гонишь эти мысли, но поверь – всё то, что ты себе нафантазировала, померкнет перед тем, что я с тобой сделаю. Но я не собираюсь спешить. Нет. Это место располагает к долгим и вдумчивым отношениям, и я, признаться, люблю именно такие – долгие и вдумчивые. Если брать среднюю продолжительность жизни, мы будем вместе очень недолго. Но я сделаю всё, чтобы эта часть жизни показалась тебе намного длиннее предыдущей.

Аркадий начал медленно поворачиваться, собираясь покинуть комнату, но задержался и вновь улыбнулся.

– Но есть ещё кое-что, о чём ты должна знать, Лера, кое-что очень важное. Я умею ловить правильные взгляды, но никогда раньше не чувствовал той искры, о которой рассказывал. Той искры, которая заставляет меня произносить слова по-настоящему и хотеть... хотеть говорить о чувствах. Раньше так было один-единственный раз. И теперь... с тобой, Лера. Удивительно, но почему-то – с тобой.

Больше он не задерживался. Вернулся в кабинет, запустил программу на ноутбуке и подменил информацию в базе данных авиакомпании, убрав из неё все упоминания о том, что Валерия Герасимова путешествовала из Москвы в Иркутск. А когда закончил, вновь посмотрел на монитор, приблизил изображение и коснулся ягодиц девушки. Очень мягко. И улыбнулся так, словно в самом деле ощутил кончиками пальцев нежную кожу и приятную упругость молодого тела. Будто ласкал её, постепенно разжигая.

Прикоснулся так, будто любил.

Лера по-прежнему лежала на животе, уткнувшись лицом в подушку, показывая себя со спины. Лежала спокойно, не шевелясь и не вздрагивая, что давалось ей с огромным трудом, зато Аркадий не видел, что из закрытых глаз девушки льются слёзы.

Она не знала о видеокамере, но не хотела их показывать.

Даже себе.

11 лет назад, август

Есть ли в реальности окружающего мира место необъяснимому?

Или мы сами вводим его в жизнь, определяя, во что нужно верить, а во что – нет? Определяя для себя. А потом верим в то, что выбрали, и наша вера порождает надежду. И даёт нам силу пройти через любые испытания. А если сил оказывается мало, если мы не можем в реальности найти нужного или необходимого, то обращаемся к тому, чьё существование не доказано, но возможно – в надежде обрести то, чего нам так отчаянно не хватает. Чего мы жаждем. О чём мечтаем. Без чего не можем жить... Мы просим о милости, подобно сдавшемуся в плен солдату, и так теряем право на самостоятельное решение. Ведь если милость оказана – за неё нужно платить. Так или иначе – платить.

И чем больше мы получим – тем больше придётся отдать.

Но мало кто думает о том, что каждая исполненная просьба имеет свою цену. Ведь мы подсознательно считаем, что существование необъяснимого не доказано, а только возможно. И если после обращения всё-таки обретаем желаемое, то списываем приобретение на «случайность» или «совпадение», на «удачный расклад», стараясь позабыть о том, что искренне верили. Что жаждали. Что были готовы на всё. Мы стараемся вернуться в привычную реальность, в которой всему есть логичное объяснение, пусть даже на уровне – «повезло!». Стараемся не думать о том, что получили не потому, что «так совпало», а потому что просили.

Людам не нравится чувствовать себя должниками.

А многие этого боятся – боятся думать о том, что стали обязаны таинственному необъяснимому, продемонстрировавшему невероятную силу. Парадокс: люди приходят с мольбой, уповая на силу тех, кто является их последней надеждой, а убедившись в могуществе тех, к кому обратились – начинают их бояться.

Люди... такие люди...

Но я не обвиняю их ни в чём и уж конечно не смеюсь над их непоследовательностью и страхами. Сам я слишком прагматичен, чтобы полагаться на необъяснимое, как в литературе, так и в жизни, но догадываюсь, что движет теми, кто верит – надежда. Которая иногда оказывается столь эфемерной, что поддержать её способен лишь тот, чьё существование не доказано, а только возможно. Поэтому я не осуждаю людей: ведь часто, чертовски часто бывает так, что человек живёт лишь до тех пор, пока у него остаётся надежда.

Пусть даже на того, чьё существование не доказано...

///

– Приезжай за нами в воскресенье в три дня, – сказал Кейн, глядя лодочнику в глаза. – Договорились?

– А не поздно? – удивился тот. – Пока до Хужира дойдём, пока вы до парома потом доедете...⁴

– У тебя что, планы на вечер? – поднял брови Кейн.

Лодочник осёкся. Замолчал, глядя на собеседника в упор и пытаясь понять, как реагировать на вопрос, который прозвучал не грубо, но очень жёстко. Так спрашивал командир роты, когда юный лодочник отдавал Родине долг в Забайкальском военном округе, и этот молодой мужчина вольно или невольно с такой точностью скопировал интонации капитана Рюмина,

⁴ Хужир – посёлок на острове Ольхон.

что лодочник едва не вытянулся по стойке «смирно». Но опомнился и лишь головой покачал, удивляясь, с какой лёгкостью мальчишке удалось смутить его – мужика пожившего и битого.

«А может, он тоже офицер?»

Кейн, в свою очередь, старался держаться спокойно и не выдать охватившего его раздражения. Лодочник ему не понравился с первого взгляда: грузный, неторопливый, явно себе на уме дядька, задающий слишком много вопросов, которые Кейн воспринимал как попытку влезть не в своё дело. Но и деваться было некуда: когда молодой человек сообразил, что в арендованную на выходные лодку вся компания не поместится, искать вторую было поздно и пришлось договариваться с чересчур любопытным толстяком, который, к тому же, откровенно пялился на легко одетых девушек.

– Планов на вечер у меня нет. Но вы, получается, в ночь в Иркутск поедете?

– Нам главное на паром успеть, а дальше, да – в ночь, – ответил Кейн. И с усмешкой добавил: – Не люблю стоять в пробках.

– Ну, как скажешь, – развёл руками лодочник. – Приплыву в воскресенье в три.

– Вот и хорошо.

Фразой и тоном Кейн дал понять, что разговор окончен, однако лодочник бросил взгляд на склонившуюся к рюкзаку Зебру, вздохнул и вдруг спросил:

– Ты хорошо подумал?

– О чём? – не понял Кейн, мысленно уже распрощавшийся с толстяком.

– Местные к мысу Рытому с опаской относятся. И слухи о нём самые разные ходят.

– Что говорят? – осведомился Кейн, демонстративно переводя взгляд с лодочника на расположившихся на берегу друзей. У них получилось добраться до мыса довольно рано, ещё и четырёх часов не было, но до вечера нужно успеть обустроить лагерь – в том месте, которое он выбрал, и времени на болтовню тратить не следовало. Однако толстяк ещё на Ольхоне пытался поделиться известными ему сведениями о мысе Рытом, и Кейн решил его выслушать, несмотря на то что его собственная информация была куда объёмнее той, которую лодочник сумел собрать за всю жизнь. Причин же для проявления вежливости было две. Во-первых, обычные туристы никогда не откажутся от подобного разговора – чтобы потом с придыханием пересказывать друзьям и родственникам узнанные «тайны». Во-вторых, глупо ссориться с тем, кому предстоит забрать команду из этого дикого края. Ещё обидится и не приплывёт, скажет, что «забыл». А на одной лодке придётся делать две ходки...

– Шаман говорит, что здесь запретное для людей место, даже для шаманов запретное, – негромко рассказал толстяк. – Тот, кто здесь живёт, чужих не любит, сам никого не зовёт и ходить никому не разрешает. Так что лучше его не раздражать.

Сообщение не содержало ничего принципиально нового, однако в целях поддержания рабочих отношений пришлось изобразить интерес:

– Ты сам с шаманом говорил?

– Доводилось.

Кейн вздохнул, показав, что услышанное произвело на него сильное впечатление, но промолчал. Лодочник же принял вздох собеседника за чистую монету и предложил:

– Хочешь, я тебя на другой мыс заброшу? За те же деньги. Здесь полно удобных мест, где можно спокойно встать лагерем.

– Почему ты это предлагаешь?

– О тебе беспокоюсь. И о них. – Толстяк кивнул на ребят. – Давай переедем, пока вы лагерь не разбили.

Кейн вздохнул ещё раз, так же тяжело, ловко демонстрируя лодочнику напряжённую работу мысли, после чего покачал головой и медленно ответил:

– Я ценю твою заботу, правда ценю, но мы останемся здесь. Так уж решили.

– Как знаешь. – Лодочник снова посмотрел на Зебру. – В воскресенье в три.

– Да, в воскресенье в три. На этом месте.

– Надеюсь, увидимся.

Больше ему сказать было нечего.

Кейн проводил отходящее от берега судёнышко долгим взглядом, дождался, когда лодочник возьмёт курс на Ольхон, и подошёл к друзьям.

– Отдохнули?

Задал вопрос, понимая, что усталости, по большому счёту, взяться неоткуда: Байкал сегодня был настроен дружелюбно и переход из Хужиры на Рытый превратился в приятную прогулку, наполненную шутками и смехом. А самое главное, хорошее настроение не оставило ребят и после высадки: дожидаясь, пока лидер закончит с лодочником, члены группы что-то оживлённо обсуждали, смеясь и активно жестикулируя.

Как самые настоящие туристы.

– О чём вы говорили? – спросила Рина.

– Наш толстый друг рассказал, что мыс Рытый – весьма непростое и даже опасное место, которое лучше обходить стороной. – Кейн улыбнулся и пожал плечами. – Ничего нового.

Рина рассмеялась:

– Будто мы не знаем.

И посмотрела на Доктора. Тот едва заметно кивнул.

– Как это – опасное? – растерялась Настя.

– Именно так – опасное. – Кейн посмотрел девушке в глаза. – Я ведь рассказывал.

– Ты говорил, что мыс Рытый считают опасным шаманы, – уточнила Настя.

– Всё так, – подтвердил Кейн. – А люди слушают шаманов и тоже считают мыс опасным.

– О людях ты не говорил.

– Разве шаманы – не люди? – тихо обронила Зebra.

– То есть, людям, которые верят шаманам, ты доверяешь больше, чем самим шаманам? – не сдержался Доктор.

Сидящий рядом Кислый громко хмыкнул. Настя покраснела, помолчала и со вздохом призналась:

– Я об этом не подумала.

– Шаманы знают такие места и рассказывают о них людям, – вступила в разговор Рина. – Люди разносят слова шаманов по миру, и так ты узнала о том, что мыс Рытый – опасен. Ты узнала от людей, но по сути – от шаманов.

– Так это работает, – тихо добавил Доктор.

Однако услышан не был – Настя в упор посмотрела на Рину, после чего вдруг спросила:

– Ты в это веришь?

И все замолчали. Потому что никто, кроме Кейна, понятия не имел, знает ли Настя то, что знают они, и не мог определить, был ли вопрос неловким или оскорбительным.

Все ждали реакции Риной. Которая оказалась на удивление спокойной:

– Да, я верю.

Доктор судорожно вздохнул и взял Рину за руку. Зebra закусил губу и отвернулась. Кислый криво усмехнулся. Настя же медленно оглядела спутников, после чего остановила взгляд на Кейне:

– Почему мы сюда приехали?

И услышала уверенное:

– Потому что сюда мы и стремились.

– Не могу сказать, что разочарована, но никакого «вау!» у меня не возникло. Мыс как мыс, – поделилась впечатлениями Рина. – Если честно, я ожидала чего-нибудь более...

– Мрачного? – подсказала Зебра.

– Да, именно мрачного, – согласилась Рина. – Я сначала хотела сказать «величественного», но, когда ты произнесла «мрачного», поняла, что искала именно это слово.

С воды мыс Рытый и в самом деле не выглядел загадочным, хоть в чём-то соответствующим суровой репутации: каменистый прибой, за которым следовал широкий пологий берег, и лишь затем, довольно далеко от воды, поднимались горы, меж которых бежала речка Рыта. Место для лагеря Кейн выбрал не в ущелье, но близко к горам, пройти пришлось изрядно, однако никто не жаловался – все понимали, что место выбрано не просто так. Когда добрались – минут пятнадцать отдыхали, расположившись кто на камнях, кто на рюкзаках, а кто просто на земле, после чего занялись лагерьем: выкладывали камнями кострище, обустроивали «кухню», собирали валежник, ставили палатки... дела нашлись для всех. Рина и Зебра отвечали за ужин и в целом за меню на ближайшие два дня и потому могли спокойно вести разговор.

– А почему не «величественного»? – спросила Зебра.

– Здесь величественно, но не настолько, чтобы это отмечать, – помолчав, ответила Рина. – Не выпендрёжно, без нарочитости, а спокойно, уверенно. Мыс знает свою силу и показывает её с достоинством. И ты действительно подобрала очень правильное слово: я ожидала гнетущей мрачности, атмосферы, которая будет давить, высасывать соки, а здесь... Здесь совсем не так. Я чувствую силу, знаю... и не просто знаю, а абсолютно уверена в том, что сила здесь есть. Сила, которой не нужен внешний эффект. – Рина посмотрела на Зебру. – Понимаешь, что я имею в виду?

– Кажется, да, – ответила та, глядя подруге в глаза.

Ответила так, что никто бы не усомнился в её искренности, но понимала Зебра другое: Рина хотела, чтобы здесь была сила – и потому её чувствовала. Наверное, так.

Наверное.

– Прости, что спрашиваю, и можешь не отвечать, если не хочешь, но ты... – Зебра покрутила в руке банку консервов и вернула её на место. – Ты не чувствуешь здесь ничего плохого?

– В самом месте? – уточнила Рина.

– Да.

– Нет.

– А если прислушаться?

– Если прислушаться, я сразу вспоминаю рассказы о мысе. – Рина негромко рассмеялась. – И тогда начинаю думать о плохом. Не чувствовать, а думать, однако это не то, о чём ты спрашиваешь.

– Да, не то, – согласилась Зебра. – Истории и легенды, которые мы вспоминаем, – это одно, а внутреннее ощущение – совсем другое... – И вернулась к вопросу: – Внутреннего напряжения у тебя нет?

– Нет, – покачала головой Рина. – А у тебя?

– Мне, если честно, слегка беспокойно, – призналась Зебра. – Мне кажется, я тоже ощущаю силу этого места, но от неё мне становится тревожно.

– Чувствуешь угрозу? – насторожилась Рина.

– Нет, это другое, я чувствую... – Зебра помолчала, тщательно подбирая слова, и объяснила: – Я чувствую, что если что-то пойдёт не так – пощады не будет.

– Ага... – Рина помолчала. – Кажется, я понимаю, что ты имеешь в виду.

Голос её дрогнул, поэтому Зебра поспешила утешить подругу:

– Всё пройдёт хорошо, уверена. Мы не ошибёмся.

– Я...

– Всё пройдёт так, как надо, – твёрдо повторила Зебра. – И всё будет хорошо.

– Я... – Рина помолчала, затем отвернулась, в надежде, что подруга не увидит выступившие на глазах слёзы, и тихо закончила: – Спасибо.

Зебра же мягко коснулась её руки и подумала, что разница в восприятии окружающего могла быть вызвана тем, что ей здесь ничего не нужно и на скрытую силу мыса она смотрит без надежды.

В отличие от Риной.

Надежда порождает веру, вера заставляет чувствовать силу, ощущение силы усиливает надежду... так рождается замкнутый круг, в центре которого – исполнение желания. Единственного желания. Заветного. В этом причина особой чувствительности Риной, но об этом ни в коем случае нельзя говорить.

И чтобы не проколоться, Зебра поменяла тему.

– Ещё мне не нравится эта девчонка. – Короткий кивок на Настю. Доктор как раз закончил устанавливать палатку, и девушка увязалась с ним за валежником. – Зачем Кейн её привёз?

– Ему нужно было с кем-то приехать, – ровным голосом ответила Рина.

Но по тому, как быстро она среагировала, Зебра поняла, что подруге новенькая тоже не пришлась по душе.

– Кислый приехал один, и ничего.

– Кислый приехал один? – замечание вызвало у Риной искреннее удивление. – Я думала, вы...

– Чтобы я с Кислым? – Зебра покачала головой. – Я слишком себя уважаю.

Не то чтобы Кислый был плох... он просто не был во вкусе Зебры, поэтому проверять, насколько он хорош в действительности, девушка не собиралась.

– Вот я и удивилась.

– Могла бы спросить.

– Извини...

– Нет, я не с ним. – Тон Зебры не оставлял сомнений в том, что тема Кислого себя исчерпала. – А вот Кейн – с Настей. Она ему нравится.

– Ему все нравятся, – обронила Рина.

– Берёт от жизни всё, что может.

– Старается взять.

– Или так. – Зебра выдержала коротенькую паузу. – Как думаешь, она знает?

– Уверена, что знает.

– И согласилась? – От изумления Зебра выронила пакет макарон.

– Может, её это заводит. – Рина чуть передёрнула плечами. – Или это вообще было её идеей.

– Наша поездка?

– Да.

– Почему ты так думаешь?

– Слишком она... необычная. Неожиданная для нас. – Рина выставила на землю банки с тушёнкой, взяла в руку консервный нож, но открывать жестянки пока не стала, продолжила разговор. – Кейн раньше ни о чём таком не думал, а тут у него появляется новая девушка, а ещё через неделю – новая идея. Вот я и подумала о связи между этими двумя событиями.

– Логично, – прокомментировала Зебра.

– Ага, – очень легко подтвердила Рина.

Настолько легко, что Зебра решилась на вопрос, который откладывала две последние недели:

– А ты... извини, что спрашиваю, и не отвечай, если не хочешь, но... Я не могу не спросить: как ты относишься к этой идее?

– Я верю, – коротко отозвалась Рина.

– Правда?

– А у меня есть выбор?

– Прости... – стушевдалась Зебра. – Прости ещё раз, пожалуйста, прости меня, я не должна была...

Рина не дала подруге закончить фразу – обняла за плечи и крепко прижала.

– Тебе не за что извиняться, дорогая. И я очень благодарна за то, что ты со мной. И это ты прости меня за то, что я не сказала раньше о том, как мне важна твоя поддержка. Не представляю, как бы я выдержала всё это одна.

– Разве ты одна? А Доктор?

– Доктор – это моё плечо. А ты – моя душа.

Рина была единственной девочкой, которая не дразнила новенькую и не пыталась придумать ей обидную кличку. И подружились они с Зеброй сразу – и навсегда. И с тех пор секретов друг от друга у них не было.

– Мне кажется, Доктор не очень одобряет то, что мы планируем сделать, – прошептала Зебра.

– Так же, как и ты.

– Так же, как и я.

– Но вы оба здесь, и я очень этому рада, – проникновенно произнесла Рина. – Мне важно, что вы...

– Мы тоже верим, – перебила подругу Зебра. – Мы не одобряем, но верим. И очень хотим, чтобы всё получилось.

Рина очень долго смотрела подруге в глаза, а затем тихо сказала:

– Значит, всё получится.

///

– Меня зовут Настя.

– Ты уже говорила. На Ольхоне.

– Извини, я помню, что кому-то говорила, а кому-то нет, но мне трудно сразу запомнить всех. – Девушка смотрела ему прямо в глаза. – А ты сказал, что тебя зовут...

И непонятно – действительно не помнит или же решила столь незатейливым образом начать разговор.

– Меня зовут Доктор. – Он пожал её тонкую руку. – Очень приятно.

– Мне тоже. – Настя не стала задерживать его руку в своей, но было видно, что девушка настроена поболтать. – Просто Доктор?

– Просто Доктор, – подтвердил Доктор.

– Кислый сказал, что его зовут Дима.

– Надо же, не знал.

Она на мгновение нахмурилась, а затем сообщила:

– Это шутка?

– У нас, как и в любом сетевом сообществе, есть свои правила, – мягко произнёс Доктор. – Одно из них – каждый представляется так, как сочтёт нужным. Если человек хочет назвать своё настоящее имя – он его называет, нет – нет.

Он постарался, чтобы объяснение не прозвучало грубо, и у него получилось. Настя приняла слова мужчины как должное, но от вопроса не удержалась:

– А ты не хочешь?

– Нет.

– Ты врач?

– Нет.

– Тогда почему Доктор?

Он вздохнул.

– Я настырная?

Немного настырная, но видно, что весёлая, озорная и не прочь пофлиртовать. В рамках допустимого, конечно, но почему нет? Ведь озорство у неё искреннее, радостное, вызванное молодостью.

Настя была худенькой блондинкой с короткой, под мальчика, стрижкой. Она абсолютно не походила ни на Рину, ни на Зебру, но не терялась рядом с ними. И в какие-то мгновения казалась прелестной куколкой, немного наивной и очень открытой. Однако Доктор сильно сомневался в правильности этого впечатления. Он догадывался, что Настя совсем не дурочка, но плевать на это хотел, поскольку не был уверен, что увидится с ней ещё когда-нибудь. А вот общение с весёлой красавицей доставляло ему удовольствие.

– Ты смешная.

– А почему смешная? – Девушка сделала вид, что обиделась. Получилось очень правдоподобно и очень по-мультикшному, особенно – надутые губки.

– А почему настырная?

– Потому что ко всем пристаю.

– Пристаёшь, потому что никого не знаешь. – Доктор выдержал паузу. – Признаться, мне странно, что ты согласилась отправиться в поход с незнакомыми людьми.

– Я – девушка Кейна, – напомнила Настя.

– Давно?

– Достаточно давно для того, чтобы отправиться с ним в поход.

– Ты ведь знаешь, что Кейн – это кличка? – Он не удержался – поддел.

В ответ прилетела ослепительная улыбка:

– Псевдоним.

– Можно сказать и так.

– Знаю.

– Хорошо, что не пришлось тебя разочаровывать.

– Я – девушка Кейна, я даже знаю, как его зовут, – пошутила она в ответ.

– Расскажешь как-нибудь?

– Он просил молчать.

Они рассмеялись.

Валежника в лесу оказалось много, они быстро собрали по охапке и теперь неспешно возвращались в лагерь. Очень неспешно.

– Кейн просил при всех называть его только Кейном, – рассказала Настя. – Мне его просьба показалась странной, но исполнить её нетрудно. Почему нет?

– Ему так нравится.

– Да. А мне нравится делать ему приятно.

При этом девушка так многозначительно посмотрела на молодого мужчину, что тот поспешил продолжить разговор.

– С прозвищами иногда получается очень смешно, – заметил Доктор, откашлявшись. – Чаще всего они возникают из переделки имени или фамилии, либо подчёркивают особенности, вроде Толстый или Кислый...

– Сам пошёл, – шутливо бросил идущий навстречу Кислый. Судя по всему, он тоже отправился за валежником.

Доктор и Настя снова рассмеялись.

– Ещё случаются клички «от обратного», например, я знал одного Толстого, который был тощим, как килька.

– Почему же его звали Толстым? – удивилась девушка.

– Понятия не имею, – честно ответил Доктор. – Когда мы познакомились, он уже давно и с удовольствием так звался.

– У тебя очень правильный и потому временами странный русский язык, – заметила Настя.

– Это всё образование, – шутливо махнул рукой Доктор и вернулся к теме: – Ещё бывает, что прозвищем подчёркиваются черты характера... Кейн говорил, почему он – Кейн?

– Это имя лидера в компьютерной игре.⁵

– Именно так – лидера, – подтвердил Доктор. – К счастью, твой парень не пытается походить на настоящего Кейна внешне, но он – лидер, я говорю без иронии, ему действительно важно быть лидером и чувствовать себя лидером. Поэтому кличку он себе подобрал идеально.

– Псевдоним, – поправила его Настя, которой слово «кличка» резало слух.

– Можно сказать и так, – не стал спорить Доктор, который специально использовал в отношении Кейна слово «кличка».

Они бросили валежник на кучу, но не разошлись и не направились к лесу – остановились, продолжая разговор.

– А ты, получается, всё-таки врач?

– Вовсе нет. – Доктор достал из кармана пачку сигарет. – В отличие от твоего парня, я не увлекаюсь и не увлекался компьютерными играми, зато являюсь большим поклонником сериала «Доктор Кто»... Видела?

– Слышала.

– Ну, хоть так... – Он улыбнулся. – И когда встал вопрос о псевдониме, я колебался недолго.

– А почему встал вопрос о псевдониме?

– Потому что я пришёл в сообщество через Сеть.

– Я думала, ты оказался в сообществе, познакомившись с Риной.

Таких знаний Доктор от Насти не ожидал, однако удивления не выказал.

– Кейн рассказал? – небрежно уточнил он, раскуривая сигарету.

– Да.

– Всё так. – Доктор глубоко затянулся и выдохнул дым. – Сначала я познакомился с Риной, потом она рассказала о сообществе, но в него я вошёл через Сеть.

– Чтобы остаться за псевдонимом?

– А ты молодец, – медленно протянул Доктор, думая, что не ошибся – девочка только выглядит наивной.

– Ещё какая молодец, – ответила Настя. В её голубых глазах заблестели озорные искры. – Ты даже не представляешь какая.

Она не двигалась, не тянулась, не прикасалась, просто сказала несколько слов, но сказала их так, что Доктору показалось, будто девушка сделала шаг и положила руки на его плечи.

Так она сказала.

А через несколько секунд улыбнулась и спросила:

– То есть своё настоящее имя ты мне не назовёшь?

⁵ Кейн (англ. Kane) – герой серии компьютерных игр Command&Conquer.

– Это будет нечестно по отношению к остальным, – откашлявшись, ответил Доктор. – Пошли в лес, а то на нас уже обращают внимание.

– То есть, когда мы вдвоём окажемся в лесу, все успокоятся?

– Зависит от того, как долго мы там пробудем, – пробормотал Доктор.

///

– Они прекрасно смотрятся, – заметил Кейн, попытавшись изобразить ироничную улыбку. – Так мило щебечут.

– Просто разговаривают, – ответила Рина. – Настя – новенькая, вот и пытается наладить контакт со всей компанией.

Зебра ушла за водой, и едва она скрылась из виду, Кейн тут же подсел к девушке. Сказал, что нужно отдохнуть после установки палатки, и завёл неспешный разговор. Сначала – ни о чём, когда заметил Доктора и Настю – о них.

– Они собирают валежник, так почему бы заодно не поболтать? – с отлично сыгранным равнодушием произнесла Рина.

– Надеюсь, ты права.

– Ревнуешь?

– Я? – с отлично сыгранным изумлением ответил Кейн. – Нет. – Короткая пауза. – А ты?

– Мне с чего ревновать? Это ты обратил внимание на то, что они вместе.

– А ты заговорила о ревности, – заметил Кейн. – А Доктор Насте явно понравился. Да и он в её компании чувствует себя очень... уютно.

Рина повернулась к Кейну, впервые с начала разговора посмотрев ему в глаза, прищурилась, несколько мгновений молчала, обдумывая услышанное, а затем негромко произнесла:

– Только не говори, что ты специально привёз Настю, чтобы подложить под Доктора.

– А если так? – очень мягко спросил в ответ Кейн.

– Если так, то зачем?

– Ты знаешь зачем.

– Чтобы показать, что Доктор тоже не пропускает ни одной юбки?

Рина умело выделила слово «тоже», заставив Кейна смутиться. Но лишь на мгновение. После которого мягко, но очень уверенно ответил:

– И для этого тоже.

– Напрасно.

Однако короткую фразу – всего из одного слова – девушка произнесла очень тихо. И не очень уверенно. И отвернулась, вновь переведя взгляд на Доктора и Настю. Которые, продолжая оживлённо болтать, медленно брели к лесу. А им навстречу тащил охапку валежника Кислый. А значит, Доктор и Настя окажутся в лесу совсем одни.

– Не напрасно, – прежним, очень мягким тоном сказал Кейн.

– Не начинай, – попросила Рина. Но опять – неуверенно.

– А если я скажу, что всё понял? – Он не горячился, не давил, даже за руку девушку не взял, хотя очень хотел. Он был очень проникновенен. – Если скажу, что ошибался? Что виноват? Если...

– Ты уже это сказал.

– Как? – удивился Кейн.

– Тем, что мы здесь.

– А-а.

Рина вновь посмотрела ему в глаза, но теперь без прищура. Посмотрела так, как когда-то смотрела только на него. Потом – только на Доктора. Теперь... Кейн узнал этот взгляд. И несмело улыбнулся.

- Ты поняла?
 - Трудно было не понять.
 - Спасибо.
 - Спасибо тебе. – Девушка прикоснулась к его руке. Очень легко. Пальцами. Не сжала – прикоснулась. – За то, что борешься.
- И сразу убрала руку.
А он не потянулся к ней. Знал, что не сейчас, что не время.
Кислый вновь направился в лес, Зебра до сих пор не появилась, и никто не мешал им сидеть, глядя друг другу в глаза.
- Всё очень запуталось, – прошептала девушка.
 - Распутаем, – пообещал Кейн. – У нас всё получится.
 - У нас?
 - У нас. – Он улыбнулся и повторил: – У нас.

К вечеру лагерь приобрёл обжитой вид. Палатки установлены, обустроены, вещи разложены, дров в достатке, ужин получился простым, но сытным – макароны с тушёнкой, и съели его с большим аппетитом. Но расходиться не стали – рано. Да и как ещё коротать походный вечер, если не у костра? Заварили травяной чай, пустили по кругу бутылку коньяка – одну, желая напиться ни у кого не было, и потянулся неспешный разговор. Сначала вспоминали старые истории, интересные и забавные случаи, произошедшие во время походов в другие места силы. Большую их часть Доктор или слышал, или читал на сайте сообщества, но помалкивал, понимал, что предназначены они не для него, а для Насти. Сидел рядом с Риной, иногда смеялся, но в основном молчал, разомлев от еды и коньяка. Кейн же, напротив, был в ударе, а поскольку рассказчиком он был великолепным, как и балагуром отличным, умеющим описать случившееся не только интересно, но и смешно, компания то и дело принималась хохотать. А Настя делала круглые глаза и удивлялась: «Неужели так было?» Ей подтверждали, что было, и Кейн переходил к следующей истории.

Потом, как это всегда бывает, веселье само собой пошло на спад. Забавных случаев было припасено на всю ночь, а может, и на несколько ночей, но слушать их расхотелось, и Кейн, прекрасно чувствующий настроение компании, перестал солировать, позволив Кислому рассказать не смешную и не до конца понятную историю о шамане.

Потом помолчали, понимая, что надо бы идти спать, но не хочется уходить от костра, а потом Настя неожиданно сказала:

- Жаль, купаться нельзя. Я люблю по ночам купаться.
- Голой? – немедленно уточнил Кислый.
- Ага, – легко подтвердила Настя. – Кто же по ночам одетым купается?
- В Байкале купаться можно, но недолго, – шутя сообщил Кислый. – Могу проводить к берегу, а потом угостить коньяком.
- Что же это за купание такое, если после него коньяк полагается?
- А что после ночного купания полагается?

Доктор с интересом посмотрел на Кислого, потом – на Кейна, увидел, что тот абсолютно спокойно воспринимает двусмысленные фразы приятеля, и едва заметно улыбнулся.

– После ночного купания полагается много всякого интересного, – без всякого смущения ответила Настя.

- И где же ты купалась?

– На море. Мы в том году с подругой на Южный берег Крыма ездили, там камни сплошные, но так красиво... Именно из-за камней красиво. И море... Оно такое тёплое по ночам, теплее, чем днём.

– Днём отсыпались?

– Ага. – Настя мечтательно улыбнулась, а потом вздохнула: – А здесь купаться холодно.

– Таков Байкал, – протянул Кейн.

Очень спокойно протянул, словно его спутница рассказывала об удачном походе по магазину, а не ночном купании с «интересным» продолжением, в котором он не принимал участия.

Что же касается Рины и Зебры, то они как воды в рот набрали и, судя по всему, не обрадовались подобной откровенности блондинки.

– Да, это Байкал. – Настя подняла голову. – Сегодня полная луна?

– Я тоже обратила внимание, что она огромная. – Рина решила принять участие в разговоре.

– Полнолуние завтра, – сообщил Кейн.

– Ты уверен?

– Я специально предложил поехать на этой неделе, потому что завтра – полнолуние. –

Кейн помолчал. – Тринадцатое число и суббота.

– Тринадцатое опасно по пятницам, – рассмеялась Настя. – Это все знают.

– Это в кино, – подал голос Доктор.

– «Пятница, тринадцатое», – добавил Кислый.

– Я знаю, о каком кино идёт речь, – язвительно отозвалась Настя. Она давно поняла иерархию группы и относилась к Кислому без пиетета. – Но ведь сценаристы отталкиваются от уже существующих поверий.

– Или выдумывают собственные, – не согласился Доктор. – Которые потом становятся популярными, а иногда – народными.

– Например?

– Например?

– Да, приведи пример, когда выдумка сценаристов стала, как ты говоришь, народным поверьем.

Настя смотрела ему в глаза и улыбалась.

– Народный танец подойдёт?

– Вполне.

– Сиртаки, – ответил Доктор. – Его придумали в 1964 году для фильма «Грек Зорба», а теперь он считается народным.

– Что за танец?

– Греческий.

– А кто придумал?

– Американцы.

– Ты настолько хорошо знаешь историю кино?

– Просто зачем-то храню в голове массу ненужных сведений.

– Знаешь много интересного?

Ответить Доктор не успел.

– А китайские печенья с предсказаниями придумали живущие в США японцы, – вернулся в разговор Кислый.

– При чём тут печенья? – нахмурилась Настя, недовольная тем, что кто-то влез в её с Доктором разговор.

– Просто вспомнил.

Ему тоже захотелось показать себя знающим человеком.

– Выдумки сплетаются с реальностью и становятся её частью, – произнесла Зебра, удивлённая тем, что ни Рина, ни Кейн никак не реагируют на откровенный интерес, который Настя проявляла к Доктору.

– Ладно, допустим, фильмы влияют на реальность, – согласилась блондинка. – Сценаристы придумали, что пятница тринадцатое – нехорошее сочетание, и все поверили. Допустим, в этом ты прав. Но ведь не станешь отрицать, что существуют опасные сочетания дат и дней недели?

– Завтра – суббота, тринадцатое, полнолуние, – веско произнёс Кейн. Произнёс таким тоном, что все замолчали, прислушиваясь. Произнёс тоном лидера. – А мы находимся в месте, в котором, как говорят шаманы, стена между нашим миром и Преисподней истончена до предела, а может, вообще исчезла. И завтра мы проверим, существуют ли опасные сочетания дат, дней недели и прочих факторов.

– Звучит угрожающе, – улыбнулась Настя.

– Или возбуждающе? – Кейн провёл рукой по её спине, пусть с запозданием, но показав, что эта девушка – его.

– Что ты имеешь в виду? – Настя, совершенно не стесняясь, чуть выгнулась под его рукой. На ней была широкая толстовка, скрывающая линии тела, однако само движение читалось откровенно.

Кислый открыл рот. Доктор прищурился. Зебра едва слышно сказала всё, что думает о новенькой. И только Рина осталась безучастной.

– Страх – это ведь тоже возбуждение, – объяснил Кейн, продолжая поглаживать спину подруги. Под толстовкой. – Он даёт сильнейший эмоциональный подъём, но только со знаком «минус», поэтому его ощущаешь не так, как...

– Оргазм? – Настя сбросила остатки стеснения.

Рина и Зебра в очередной раз промолчали.

– Оргазм тоже наступает, но чуть позже, – улыбнулся Кейн. – Когда страх проходит, идёт сильнейший выброс адреналина. И появляется упоительное чувство вседозволенности.

– А возможно это чувство, но без страха?

У Кейна вспыхнули глаза:

– Возможно. Нужно лишь отказаться от привычных... оков, которые сдерживают нас.

Кейн явно ждал возражений, надеялся, что Доктор затеет спор, но тот промолчал. Только очень мягко сжал руку Риной. И почувствовал, что она подалась к нему.

Долго, почти полминуты в лагере царила тишина, а затем Кейн улыбнулся:

– Пожалуй, нужно идти спать.

– С удовольствием, – хихикнула Настя.

– Только не слишком шумите, – попросил Кислый.

– Это уж как получится.

Они скрылись в своей палатке.

– Мы тоже пойдём. – Рина поднялась на ноги. – Завтра сложный день, хочу как следует выспаться.

– И вы не шумите, – повторил шутку Кислый.

– Я слишком устала, – ответила Рина прежде, чем Доктор открыл рот. – Спокойной ночи.

– Спокойной ночи.

Зебра проводила Доктора долгим взглядом, затем медленно провела руками по длинным ногам, задумчиво глядя на догорающий костёр, и вздрогнула, услышав несмелое:

– А мы с тобой...

– У тебя ведь есть спальный мешок? – перебила Кислою девушка.

– Хочешь сказать, что я не должен из него вылезать? – уныло уточнил он в ответ.

– Или оставайся спать у костра.

– Ладно, ладно, я понял... не хочешь – как хочешь. – Кислый вздохнул, прислушиваясь к доносящемуся из палатки Кейна шуршанию, и спросил: – Может, раскуримся?

– Кури сам. Я – спать.

Зебра направилась к палатке.

– Как знаешь. – Кислый коротко выругался и достал пакетик с травкой.

12 августа, пятница

– А когда начнётся тайга? – поинтересовался Феликс, с деланным разочарованием разглядывая простирающуюся вокруг равнину.

– Ты опять за своё? – рассмеялся сидящий за рулём Сергей и погладил бритую под ноль голову. – Спрашивал уже.

– Конечно, как я могу не спрашивать? – Вербин сделал вид, что изумлён до крайности. – Мы ведь в Сибири?

– В Сибири, – подтвердил Сергей.

– А раз мы в Сибири – давай тайгу. Вынь, как говорится, да положи. Иначе в этом всё нет никакого смысла, потому что Сибирь – это тайга. Без вариантов.

– Что ты такой вредный?

– Какой есть.

Шутливый диалог брал начало с их первой, давней, да к тому же – зимней, поездки на Байкал. Однако в тот раз он начался совсем не шутливо – Вербин действительно удивился тому, что, выехав из Иркутска, они оказались не в глухой тайге... ладно, пусть не в глухой тайге, но хотя бы в густом лесу – а на широкой открытой равнине. И вопрос – в тот раз – он задал серьёзно, и услышал в ответ, что Сибирь – это не только тайга, но и степи. Местами. Не то чтобы Феликс об этом не знал, но не ожидал оказаться в степи по дороге на Байкал.

С тех пор это стало их с Сергеем шуткой, то один тот разговор вспомнит, то другой. Да и чего не вспомнить – ехать двести с лишним километров, обо всём поговорить успеешь. И даже о том, о чём говорить сложно, но в дороге – почему-то – легко:

– Что решил, брат, дальше трубить или перчатки на гвоздь? – негромко спросил Сергей, когда они отъехали от города километров на пятьдесят. И после довольно длинной паузы, которая последовала после окончания предыдущей темы. Спросил, потому что знал, что после потрясений, что выпали на долю Вербина, первое, что приходит в голову – бросить всё и подать рапорт на заслуженную.

Во время предыдущего расследования Феликс Вербин, майор, старший оперуполномоченный по особо важным делам Московского уголовного розыска, потерял невесту. А по сути – жену. Любимую женщину, рядом с которой был по-настоящему счастлив. Официально смерть Криденс с делом Кровососа не связывали, она была признана естественной. И даже неофициально увязать смерть с расследованием было крайне сложно, однако Вербин винил себя в гибели невесты, мучился, что не уберёт Криденс от беды, и с радостью согласился на предложение взять длительный отпуск. Первые несколько дней сидел в квартире, в основном спал, иногда что-то ел. Дверь открывал редко, на звонки отвечал ещё реже, только на самые настойчивые. А Сергей, которому рассказали о беде Вербина, оказался настойчив, звонил, не переставая, и тем заставил Феликса снять трубку. Сергей тот разговор начал с чего положено, потом помолчал, а потом – Феликс уже хотел заканчивать общение – велел собираться и лететь к нему, пригрозив, что в противном случае сам явится в Москву, вышибет дверь, упакует Вербина в ручную кладь и отвезёт в Иркутск. Яростный дружеский напор подействовал: Феликс сначала просто пообещал, но Сергей, почувствовав слабость, усилил нажим и заставил друга открыть ноутбук и забронировать билет. Вот и получилось, что Вербин едет на пассажирском сиденье внедорожника, стараясь не думать о том, что мечтал побывать на Байкале вместе с Криденс.

– Служить останусь, – помолчав, ответил Феликс. – Больше я ничего не умею. – Подумал и добавил: – Да и не хочу ничем другим заниматься.

– Как и все мы, – кивнул Сергей. – Косого только пуля исправит. – Помолчал и уточнил: – Ты реально хочешь продолжить?

– Хочу. Но честно скажу: не знаю, потяну ли? – Вербин провёл пальцами по пластику дверцы. Погода стояла отличная, тёплая, но не жаркая, поэтому кондиционер выключили и открыли окна. Стало, конечно, шумно, зато ветер приносил не только приятную свежесть, но – иногда – и яркие степные запахи. – То, что случилось с Кри, нельзя было предвидеть. Я ругаю себя не за то, что сделал что-то не так, потому что я всё делал так, как должен был делать. Я ругаю себя за то, что не почувствовал, понимаешь? Я говорил, что люблю её, но когда пришёл час – не почувствовал, что она в беде. Хотя должен... обязан был понять, что с Кри что-то происходит. Я должен был пойти с ней в тот вечер. А я остался на месте преступления.

Феликс выставил руку за окно и растопырил пальцы, с наслаждением принимая на них плотный воздушный поток – друг вёл машину довольно быстро.

– А если Криденс не хотела, чтобы ты почувствовал? – негромко спросил Сергей.

– Об этом я тоже думал и склонен с тобой согласиться, – ответил Вербин, разглядывая руку. – Однако для меня это обстоятельство не имеет никакого значения. Пусть Криденс этого не хотела – не важно, важно то, что я должен был почувствовать. Должен – и всё.

Он сжал кулак.

Вербин и Криденс были идеальной парой, прекрасно дополняли друг друга во всём и точно знали, что наконец-то, после долгих поисков, нашли свою половинку. Сергей приезжал в Москву полгода назад и видел, что Феликс не изменился рядом с Криденс, не стал другим человеком, как любят говорить писатели, а просто был счастлив.

А сейчас – разбит вдребезги.

И винит в случившемся себя.

– Можно задать не очень приятный вопрос?

– Можно, – кивнул Вербин, не поворачиваясь к другу.

– Кровосос убил Кри?

– Нет. Но я точно знаю, что Криденс умерла из-за него.

– Вот дерьмо, – выругался Сергей. И тут же напомнил: – Но ведь Кровососа больше нет.

– Не всё так просто.

Объяснять, что имеет в виду, Феликс не хотел, и тут ему повезло: едва прозвучал ответ, Сергей начал сбрасывать скорость.

– Мы останавливаемся?

– Ты забыл обычаи?

– Не думал, что ты до сих пор их придержишься.

– Обычаи потому и называются обычаями, что их придерживаются всегда, – размеренно ответил Сергей. – Законы меняют, историю переписывают, принципами торгуют, но есть неизменные вещи, которые были, есть и будут всегда, даже когда придуманные людьми законы, история и принципы канут в Лету.

– Да, ты говорил, – обронил Вербин.

– Не веришь?

– Даже если и не верю – не собираюсь проявлять неуважение.

– Вот это правильно, – одобрил Сергей, останавливая машину. – Выходим.

От Иркутска до Ольхона примерно двести пятьдесят километров, и в прошлый раз это вызвало у Феликса такое же удивление, как и наличие по дороге степи – он ожидал, что будет много меньше. Выслушал короткое: «Это Сибирь, брат, здесь триста километров – не расстояние, а немного в сторону», пожал плечами и сел в машину, сказав себе, что расстояние и впрямь не самое великое. Однако проехать его без остановок не получилось, поскольку под «незыблемыми вещами» Сергей подразумевал в том числе остановки у барисанов – попросить у хозяев местности спокойной дороги, хорошей погоды и добрых людей. Просьба под-

креплялась небольшой дозой крепкого, а поскольку Сергей был за рулём, отдуваться приходилось Феликсу, но он справился.⁶

Он угостил хозяина местности, сделал маленький глоток сам, закурил, глядя на раскинувшиеся вокруг просторы, и неожиданно почувствовал, что... нет, ему не стало спокойно... боль не ушла... его не утешили... С ним разделили мысли. Не прочитали, чтобы обдумать или дать совет, но разделили. Боль не забрали – боль останется с ним навсегда, ведь это его боль, но мысли стали частью всего вокруг. И говорить ничего не нужно – потому что всё уже известно. И ему никто ничего не скажет – потому что слово должно родиться в нём. Когда придёт время. И каким то слово будет – решать ему и только ему.

Феликс проявил уважение.

И почувствовал, что уважение проявили к нему.

– О чём мысли гоняешь? – спросил Сергей.

– Извини, я в последнее время периодически выпадаю из реальности, – медленно ответил Вербин. – Погружаюсь в себя.

– Значит, за руль я тебя не пушу.

– Ты не заметил, что я уже махнул рюмашку? – поднял брови Феликс.

– Да ну? – пошутил в ответ Сергей. – Но тогда тем более не пушу.

Они рассмеялись и направились к машине.

И Феликс подумал, что пока идея с бегством за море себя оправдывает – ему действительно стало чуть легче. И вовсе не потому, что он напивался до беспамьяства, Феликсу этого не требовалось, он этого не хотел. Просто другое небо и другой город. Просто вдаль от места, где разбился вдребезги.

Два дня Вербин бродил по Иркутску. В основном – в одиночестве. Так получилось, что до сих пор он был в городе только зимой, и теперь с удовольствием разглядывал знакомые улицы в новом – для себя – убранстве. Старые дома, зелёные деревья, по-летнему весёлая Ангара – всё вокруг казалось другим и одновременно – тем же самым. Иркутск переделался в летнее, показав гостю, что сибирским городам идёт не только снег, и Вербину новое убранство города понравилось.

Прогулки Феликс перемежал встречами с друзьями. Выпивали, конечно, но в меру. Говорили много, но самой главной темы касались только в том случае, если Вербин сам о ней заговаривал. И за это Феликс был друзьям очень благодарен.

Затем Сергей взял два дня в счёт отпуска – пятницу и понедельник, чтобы провести на Байкале побольше времени, и они с Вербиным отправились на Ольхон. Выехали рано, нормально позавтракать не получилось, остановки не в счёт, поэтому Феликс искренне обрадовался, увидев знакомое здание.

– Наконец-то, «Narat's»!

– Помнишь его? – рассмеялся Сергей, сбрасывая скорость.

– Как можно забыть?

В Черноруде, в двух шагах от переправы на Ольхон, слева, если ехать к Байкалу, их ждал, наверное, единственный в мире ирландский паб, в котором подавали буузы. И весьма неплохие буузы. Или, возможно, Феликс считал их весьма неплохими, потому что именно в ирландском пабе попробовал их впервые: в прошлую поездку Сергей встретил Вербина ранним утром в аэропорту, они сразу махнули на Ольхон, и буузы от «Narat's» стали для голодного после ночного перелёта Вербина первой едой на иркутской земле, а первое всегда самое лучшее.

Есть буузы нужно руками и сначала – обязательно! – выпить образовавшийся внутри бульон, или через отверстие сверху, или надкусив буузу у основания, тут уж на любителя.

⁶ Барисан (от *бур.* бариха – «дарить») – священное для бурятского шаманизма место, созданное для подношения духам местности.

Феликс любил откусывать, потом приниматься за начинку, пуская первый кусок вместе с бульоном, и уж потом добавлять сметану – ни с чем другим Вербин ни буузы, ни хинкали не признавал.

– Вкусно?

– Идеальный завтрак.

– И время для него идеальное – обеденное, – хмыкнул Сергей. – Как раз то, что нужно, после долгой дороги.

– Еда мужская, два килограмма, – пробормотал Феликс, доедая четвёртую буузу. После чего вытер руки, откинулся на спинку диванчика и сыто вздохнул: первый голод утолён, нужно сделать паузу.

И оглядеться.

Первые в жизни буузы Вербин запомнил очень хорошо, а вот обстановка прибайкальского паба отложилась у него смутно, только что стены украшены шарфами, бейсболками, футболками, плакатами, фотографиями и прочими артефактами со всех концов России, оставленными здесь восторженными гостями Байкала. И посмотрев на эту коллекцию, каждый новый посетитель «Narat's» чувствовал желание оставить что-нибудь от себя – на память, чтобы поддержать традицию, и в надежде вернуться. А если не с чем было расставаться – делали надписи, выплёскивая несмываемым маркером переполняющие после свидания с Байкалом эмоции.

В прошлый раз Вербин ничего не оставил и ничего не написал, видимо, не был готов, сейчас же сам попросил у бармена маркер, отыскал на стене свободное место и старательно вывел:

«Contra felicem vix deus vires habet».⁷

Фразу, которую Криденс велела вырезать на одной из панелей своего бара «Грязные небеса». Надпись появилась после их знакомства, и Вербин выучил её наизусть: и то, как произносится, и то, как пишется. И, поставив точку, подписал: «Феликс и Криденс».

Ведь она и в самом деле была сейчас здесь – в его сердце.

* * *

Если хочешь, чтобы тебя никогда не нашли, мало хорошо спрятаться – нужно сделать так, чтобы тебя не искали там, где ты прячешься. Это наилучший способ избежать встречи с преследователями. И единственный, гарантирующий стопроцентный результат – быть там, где тебя не ищут. Мужчина, которого Лера знала под именем Аркадий, об этом способе знал и чётко ему следовал, благо, возможности для этого у него были. Однако додумался до него Аркадий не сразу – пришлось учиться на собственном опыте и едва при этом не обжечься.

Первая «особенная» девушка – именно так он их называл, особенными – была из Иркутска. Рыжая хохотушка по имени Лида. На самом деле в ней не было ничего примечательного: тощая студентка-третьекурсница с бледными губами и большим количеством веснушек, она привлекла внимание одним-единственным – тем самым взглядом, который случайно бросила на Аркадия на улице. Взглядом, который он заметил и не смог проигнорировать. Тогда он ещё не знал, что это – «тот самый» взгляд, только почувствовал его, но запомнил и с тех пор ни разу не ошибся. Тогда же Аркадий подошёл, заговорил, через четверть часа получил от девушки номер телефона и обещание встретиться вечером следующего дня. Лида с замисленным сердцем думала о том, что вытасила счастливый билет: ею увлёкся красивый, представительный мужчина, с хорошими манерами и явно со средствами. Он же думал, что Лида первой войдёт в только что законченное логово и волновался, как школьник. Боялся, что чего-то не продумал, что первый блин окажется комом, девушка сумеет сбежать и тем поставит

⁷ «Против счастливых даже бог бессилён» (лат.). Публий Сир.

крест на его судьбе. Но всё прошло на удивление гладко. На второе свидание Аркадий приехал на машине, предложил покататься, в дороге одурманил девушку, уничтожил оба телефона – её и свой, который купил специально для «операции», и привёз в своё логово.

На «новоселье».

Аркадий очень опасался за эту часть «операции» – поездку с пребывающей в бессознательном состоянии девушкой по городу, с облегчением выдохнул, когда она закончилась благополучно, поздравил себя с отличным достижением, но поторопился – следующая неделя выдалась настолько нервной, что полностью смазала ощущение праздника, который Аркадий себе устроил.

Исчезновение девушки всколыхнуло Иркутск, город, может, и большой, но не настолько, чтобы не заметить пропажи молоденькой студентки. К тому же в памяти ещё была свежа кошмарная история «ангарского маньяка», сделавшего область «знаменитой» на всю страну, и его, разумеется, принялись немедленно приплетать во всех материалах, ставя управления ВД по Иркутску и области в весьма неловкое положение. Друзья Лиды, а она была девушкой общительной, забили тревогу сразу – им, в отличие от полицейских, не требовалось время, чтобы убедиться в том, что девушка не «загуляла», они знали, что это не так. Новость об исчезновении быстро распространилась и оказалось, что иркутяне – люди равнодушные, не отмахиваются, мол, пропала и пропала, а готовые потратить своё время на помощь оказавшейся в беде семье. Через два дня город оказался обклеен объявлениями с фотографией Лиды, волонтеры ходили по всем районам и опрашивали людей, в надежде, что кто-нибудь вспомнит, что видел девушку, и даже полиция, побряхтев, тоже стала чем-то заниматься, однако результата её действия не принесли.

Ничьи действия не принесли результата.

Лида не нашлась.

Что же касается Аркадия, то эти дни стали в его жизни самыми напряжёнными. Лида преследовала его повсюду: смотрела с компьютерного монитора, с объявлений на столбах и стенах, а её имя постоянно звучало в разговорах. Лиду искал весь Иркутск, и Аркадий почти не спал, терзаемый мыслью, что волонтеры или полицейские в конце концов найдут человека, который вспомнит, как девушка садилась в его машину, и на пороге появятся не очень вежливые ребята в масках.

Какое уж тут «новоселье»?

Но всё обошлось – для Аркадия. Свидетели не нашлись, следы девушки затерялись, а через две недели шум стих – город признал поражение. Аркадий постепенно успокоился и довёл задуманное до логического конца. Но понял, что или он будет искать «особенных» женщин не когда захочется, а не чаще раза в год, а то и реже, и надеяться, что их исчезновение не вызовет в городе такого же шума, или он придумает, как не гадить там, где живёшь.

И он придумал.

Аркадий перестал искать «особенных» поблизости, охотился в других городах, чаще в Москве и Санкт-Петербурге, где проводил много времени по работе, зазывал жертву в Иркутск, после чего стирал из Сети все доказательства её приезда. Он это умел.

И иногда посмеивался, глядя, как особенных женщин пытаются найти там, где они жили...

Никаких окон.

Ни окон, ни заложённых кирпичом проёмов там, где они могли быть. Ни намёка на них. А значит, это не цокольный этаж, а гораздо глубже. «Минус второй уровень», как сказали бы на паркинге. Скорее всего, так.

При этом Лера не могла объяснить, почему думала, что находится в подвале, а не в глухой комнате. В первую очередь, конечно, из-за отсутствия окон – оказавшись в подобных помещениях, то есть оказавшись, как Лера, пребывая в бессознательном состоянии, человек машинально воспринимает их подземными. Во вторую, из-за отчётливого чувства тяжести, почти физически ощущаемого давления со всех сторон. Конечно, это чувство могло появиться из-за угнетённого состояния, в котором пребывала девушка – пленение не способствует хорошему настроению, тем не менее Лера не сомневалась в том, что находится под землёй. Но Аркадия об этом не спрашивала.

Аркадий...

Девушка по-прежнему называла похитителя так, хотя понимала, что это не его имя и он никогда не назовёт настоящее. А если назовёт, это будет означать, что их «отношения» подходят к концу. К финалу, после которого Аркадий отправится на поиски следующей «особенной», а она... Она перестанет жить. И думала об этом Лера спокойно, даже обыденно – привыкла. Первые два дня рыдала в голос, кричала, умоляла, обещала никому ничего не рассказывать, много раз повторила, что отец заплатит любые деньги за её освобождение и не станет преследовать... И лишь к вечеру второго дня заточения поняла, что Аркадию плевать на крики и обещания. И уж тем более на деньги. Это не похищение ради выкупа или давления на отца. Всё намного хуже...

Ей просто не повезло.

Весь третий день Лера пролежала молча, уткнулась в подушку и думала, иногда плакала, иногда проваливалась в забытие. Утром четвёртого дня повела себя как смирившаяся девочка. Изо всех сил стараясь скрыть, что не стала ею. И Аркадия она всё реже, даже в мыслях, называла по имени, предпочитая использовать обезличенное «он». Не Аркадий, а человек без имени. Он.

Враг.

Враг, который хочет её убить. На четвёртый день эта мысль перестала вызывать у Леры ужас – только холодную, тщательно скрываемую ненависть. И она сделала всё, чтобы явившийся на пятый день Аркадий остался очень доволен. Умений Лере доставало, а идеально притворяться она научилась ещё с первым своим мужчиной – мальчиком из хорошей семьи, приятным во всех отношениях, но ничего из себя не представляющим в постели. Марк был старше на четыре года, до их знакомства встречался с несколькими девушками, однако, как почти сразу поняла Лера, опыт и умения не всегда достигаются количеством партнёров, и даже ей, тогда совсем ещё молоденькой девчонке, через пару месяцев стало с Марком откровенно скучно.

«Зато притворяться научилась», – шутила она потом.

С Аркадием скучать не приходилось – он был отчаянно, как-то идеально хорош в постели. Но теперь их близость не доставляла девушки того наслаждения, что раньше. Обстановка не располагала.

Отвратительная, надо сказать, обстановка.

Похититель держал девушку в маленькой, не более шести квадратных метров, комнате, в которой едва помещался широкий топчан: язык не поворачивался назвать это ложе «койкой» и уже тем более – «кроватью». Одежду предлагалось бросать на пол. А напротив единственной и всегда запёртой двери, стоял главный источник унижения Леры – ведро с крышкой. Крышка прилегала плотно, но, когда её приходилось открывать, девушку едва не рвало от запаха, а на глазах выступали слёзы.

У изголовья, естественно, на полу, хранились газетный кулёк с сухим собачьим кормом и пластиковая бутылка с водой. Кулёк пополнялся, бутылка менялась. От растоптанной гордости было горько – и на душе, и во рту.

Кроме запертой двери девушку удерживала тонкая, но очень прочная цепочка. Одним концом она крепилась к «браслету» на левом запястье Леры, другим цеплялась к стальному тросику, который проходил под потолком и исчезал за дверью.

«Ты здесь не первая, так что поверь – система удержания проверена неоднократно, – сказал Аркадий, когда она очнулась и нашла себя в «конуре». – Всем кажется, что если приложить усилия, то можно выдернуть тросик, но это не так. Порвать его невозможно, а крепится он к проложенным в стенах трубам – с ними ты точно ничего не сможешь поделать. Никто не сможет – сил не хватит. Единственный выход – удавиться. Я серьёзно. Не стану рассказывать, как это сделать, но длина цепочки позволяет покончить с собой. Однако, на мой взгляд, нет ничего глупее, чем добровольно лишиться себя жизни».

С этим Лера была полностью согласна и, поигрывая цепочкой – то натягивая, то ослабляя её – мысленно пообещала Аркадию, что убивать себя не станет. Во всяком случае, до тех пор, пока не попытается убить его.

* * *

– Я до сих пор под впечатлением, – с улыбкой призналась Света. – Сейчас, конечно, поутихло, эмоции не такие яркие, как сразу после концерта, но всё равно переполняют. Было очень круто.

– Я знал, что тебе понравится, – рассмеялся Шумахер.

– Спасибо вам.

– Ерунда.

Неделю назад они с Бочкой организовали Свете и Ляпе поход в ночной клуб на популярную столичную группу. Причём выступление было не заурядным концертом, а закрытой вечеринкой «для своих», и после выступления музыканты вышли «в люди» – общаться, фотографироваться, делиться яркими подробностями богемной жизни. Для Шумахера и Бочки в подобных мероприятиях не было ничего необычного, а их неизбалованные знакомые чувствовали себя побывавшими на другой планете и считали тот поход главным событием лета. А может, и года.

Но если Свете понравился именно концерт и возможность запросто поговорить со столичными гостями, то Ляпу гораздо больше обрадовало приглашение на вечеринку «для своих». Ему льстило внимание богатых приятелей, и он мечтал со временем войти в их круг: ездить на дорогой тачке, иметь дом за городом, проводить утро буднего дня в известной кофейне в центре города и никогда не думать о деньгах. И ради того, чтобы стать своим, молодой человек был готов на многое.

Ведь речь шла о его жизни.

– Какие планы на выходные? – перешёл к интересующей его теме Шумахер.

Тем не менее вопрос он задал небрежным тоном, не показывая, что ответ для него очень важен.

– Пока не знаю, – подыграл ему Ляпа, который был прекрасно осведомлён, о чём идёт речь. – Есть предложения?

Света вопросительно подняла брови, но промолчала.

– Мы с Бочкой планируем вечеринку, но очень закрытую, – медленно ответил Шумахер, выделив голосом слово «очень».

– Звучит интригующе, – обронила Света.

– У нас с друзьями есть одно увлечение, – продолжил Шумахер. – Эдакий косплей не для всех, с помощью которого мы вносим в жизнь некоторое...

– Разнообразие, – подсказал Бочка.

– Спасибо, – улыбнулся Шумахер.

– Частный карнавал?

– Можно сказать и так.

– Не знаю... – протянула девушка, переводя взгляд на Ляпу.

Тот пожал плечами:

– Почему нет?

Света поджала губы. Судя по всему, она ждала от парня совсем другого ответа.

– На тот случай, если ты подумала что-то не то, сразу хочу предупредить – мы уже давно не дети и неприятностей не ищем, – вновь выступил Бочка. – Все наши вечеринки проходят строго на добровольной основе. Только так и никак иначе.

– А на первый раз у вас будет гостевой пропуск, – рассмеялся Шумахер. – Промотур. Не понравится – уйдёте.

– В любой момент? – уточнила девушка. Она стала догадываться, что именно имели в виду их новые друзья под «очень закрытой» вечеринкой.

– Можете вообще не приходить.

И снова – небрежный тон, призванный рассеять малейшие сомнения в том, что что-то может пойти не так. И тактика принесла плоды: тон девушки стал мягче.

– Много людей принимает участие в вашем... косплее?

– Нет, – тут же ответил Бочка. – Это очень закрытая вечеринка.

Слово «очень» он выделил так же, как друг.

– И там...

– И мужчины, и женщины – всё как положено.

– А что за косплей?

– Он посвящён одному древнему культу.

– Шаманизм?

– У вас будет гостевой пропуск – увидите сами. – Шумахер выдержал чётко выверенную паузу и, глядя на Ляпу, закончил: – Или не увидите.

После чего взял в руки чашку с остывшим кофе и перевёл взгляд на улицу, разглядывая проезжающие по Киевской автомобили.

– И когда будет... карнавал? – тихо спросила Света.

– Завтра.

– Уже завтра?

– Завтра тринадцатое, – ответил Шумахер так, словно это всё объясняло. Ответил, продолжая смотреть через витрину на улицу.

– Но ведь не пятница, – пошутила девушка.

– Шабаш тринадцатого – что может быть лучше?

– Настоящий black sabbath, – усмехнулся Бочка.

– Шабаш?

– Интересно, правда?

Света вновь посмотрела на Ляпу, тот ответил долгим взглядом и пожал плечами:

– Если не понравится – уйдём.

Девушка, очевидно, пребывала в затруднении, поэтому давить на неё не стали.

– У вас гостевой пропуск, – напомнил Бочка, подозвал официантку и заказал два кофе – себе и Шумахеру. Извиняющимся тоном объяснил: – Нам ещё нужно поговорить.

И улыбнулся, показывая, что разговор окончен.

Теперь всё зависело от Ляпы.

Которому очень хотелось стать своим.

Тем не менее, когда ребята ушли, Шумахер скомкал салфетку и угрюмо бросил:

– Ты рано их отпустил.

– Продолжив давить, мы бы всё испортили, – хладнокровно ответил Бочка.

– Откуда ты знаешь?
– Наблюдал за девчонкой.
– Ты как чёртов Шерлок Холмс!
– Я как чёртов здравомыслящий парень, у которого нигде не свербит и он способен мыслить здраво, – с прежним хладнокровием произнёс Бочка.

– У кого свербит?

– У тебя.

– С чего ты взял?

– С того, что ты на Свету запал, вот и прыгаешь вокруг неё, как ошалевшая горилла.

Бочка ждал, что друг начнёт отнекиваться, но Шумахер неожиданно замолчал, вновь потарасился на улицу, словно ожидая, что по ней проедет знакомый, а потом спросил:

– Заметно?

– Мне – да. А Ляпа, похоже, ни черта не видит.

Шумахер побарабанил пальцами по столешнице и усмехнулся:

– Ляпа хочет в нашу компанию, думает, мы ему в жизни поможем.

– Я понимаю.

– А Света классная...

Стройная русоволосая красавица с высокой грудью и ямочками на щеках. Юная, но уже сформировавшаяся, с большими лучистыми глазами и бархатным голосом. И видно, что чистая, воспитанная в строгости, что заводило парня ещё больше.

– Даже странно, что она такому кретину досталась. – Шумахер выдержал многозначительную паузу. – Пока досталась.

Девчонка его волновала. Бочка хорошо понимал состояние друга, видел, что он не отступит, и предложил:

– Трахни её на стороне. Закружи голову деньгами, подари что-нибудь... ну, не мне тебя учить. Зачем в зал вести?

– Не даётся.

– А в зале дастся?

– А куда ей деваться?

– Только никакого насилия, – предупредил Бочка. – Я серьёзно.

– За кого ты меня принимаешь? – Шумахер округлил глаза. – Ты не хуже меня знаешь, что ни один гость не остался равнодушным. Всех затягивает.

Что верно, то верно. Шабаш, который Шумахер назвал «косплеем», возбуждал неимоверно и устоять перед водоворотом страстей ещё никому не удалось. Свою роль играли и раскованная обстановка, и раскованные участники, и лёгкий наркотик, помогающий преодолеть внутренние запреты.

– А Ляпа?

– А что Ляпа?

– Он же наверняка догадывается, что там будет.

– Ляпе хочется быть с нами и ещё ему хочется новых ощущений, – хохотнул Шумахер. –

Кристина рассказала, что он её лапал на концерте и номер телефона попросил.

– Дала? – поинтересовался Бочка.

– Телефон – да. Сказала, что всё остальное – дело времени.

Кристина, что ни говори, девушка эффектная: яркая, энергичная, умелая, задорная... Она не только производила на мужчин сильное впечатление – она этому впечатлению полностью соответствовала. Но Бочка прекрасно понимал разницу между ней и Светой, поэтому вздохнул:

– Дурак он.

– Дурак, – не стал отрицать довольный происходящим Шумахер. – Но, когда такая девчонка, как Кристина, согласна на тебя запрыгнуть – тут у кого угодно мозг отключится.

И в этом тоже была правда.

Бочка мысленно согласился с другом и тут же перешёл к действительно волнующей его теме:

– Я бы не стал рисковать с новенькими, после последней поездки на кладбище.

– А что не так с кладбищем? – не понял Шумахер.

– Дед наверняка в полицию заявление подал.

– Ну, подал, и что? К тебе кто-то приходил?

– Нет.

– И ко мне нет. Дед старый, видел нас в темноте, опознать не сможет. Камер там не было, телефоны мы выключили, «симки» вытащили, так что о кладбище забудь.

Нехитрым мерам предосторожности Бочку и Шумахера научил Каин. Велел строго их соблюдать и никогда не забывать, и друзья, понимая их важность, не забывали. И про телефоны девушек не забыли. Другими словами, со всех сторон подстраховались.

– Не было никакого кладбища, – закончил Шумахер. – И нас там не было.

Поскольку предпоследний аргумент – необходимость затаиться после избиения сторожа – не сработал, Бочка, поколебавшись, выложил на стол главный и последний козырь:

– Давай дождёмся Каина?

– Он сказал, что явится не раньше понедельника, – ответил Шумахер. – Не хочу ждать.

Потому что лидеру, возможно, не понравится предложение привести в зал новых людей. Точнее, ему наверняка не понравится причина, по которой Шумахер хочет их привести, и он предложит подождать, чтобы самому убедиться в надёжности новичков. Шумахер же ждать не хотел.

– Вдруг Каин разозлится?

– Почему он должен разозлиться?

– Потому что мы приведём ребят без разрешения.

– Уверен, Каин будет рад новым адептам, которых мы как следует подготовим к его появлению.

– А если разозлится?

Бочка чётко дал понять, что считает вопрос важным – а он действительно был таким! – и не согласится с предложением друга, пока они его не обсудят. Шумахер это понял, но сглотнул, задав совершенно неуместный вопрос:

– Боишься Каина?

И тут же о нём пожалел, услышав абсолютно уместный и логичный ответ:

– А ты нет?

Коротко выругался и насупился.

Они оба понимали, что Бочка прав, однако признавать это Шумахеру было неприятно.

Потому что он давно сказал себе, что не боится ничего на свете.

Прыгал с самых высоких «тарзанок», без раздумий лез в драку с явно превосходящими соперниками и кличку свою – Шумахер – заработал, доказывая себе и друзьям, что не боится сумасшедших скоростей, что на машине, что на мотоцикле. Привык жить без страха, но Каин...

Каин стал первым человеком за много-много лет, в присутствии которого у Шумахера иногда подгибались ноги.

– Я тебе не рассказывал, да? – медленно произнёс он, вертя в руке маленькую ложку. – Не рассказывал о том, как всё началось?

– Я не спрашивал, – ответил Бочка. – Думал, не моё дело.

И вдруг сообразил, что Каин с пугающей простотой вошёл в их жизнь – Шумахер привёл его на встречу, сказал: «Мой хороший друг», и с тех пор завертелось. Ведь Шумахеру Бочка доверял со школы.

– Ты тогда с отцом в Шанхае был, а я тут зависал в одиночестве. В целом, как обычно шло, но в один из вечеров застрял в «Либре». Просто подбухивал тихонько, настроение такое было – одному побыть, никого не хотел видеть. Там он ко мне и подсел. Слово за слово, разговорились, ты сам знаешь, как он умеет говорить. Я заинтересовался. Потом в другой бар перешли... – Шумахер помолчал. – А потом оказались на кладбище. Не спрашивай как – не помню. Помню только, что стою среди могил, а Каин говорит: «Ну, раз ты не веришь, то я покажу». Руки в стороны разводит, голову задирает и замирает так. Я стою, глазами хлопаю, пытаюсь понять, о чём мы говорили, чему я не верю, и вдруг чувствую – чернота из могил к нему ползёт. Не ко мне – к нему. – Ещё одна пауза. – Если бы ко мне – точно бы помер от страха. А Каин ничего, улыбается, на меня не смотрит, но спрашивает: «Видишь?» Я сначала кивнул, потом понял, что он вверх смотрит, и говорю: «Да». Он смеяться начал. «Подойди», говорит. Я подошёл. Он меня за руку взял, и мы... Мы вверх полетели.

Бочка постарался «удержать лицо», но Шумахер слишком хорошо его знал и спросил:

– Не веришь?

– Ну...

– Я бы тоже не поверил. Но мы полетели, прямо вверх, и я город видел, весь чёртов город, как будто на самолёте подлетаю. А Каин говорит: «Однажды и ты так сможешь». И смеётся. А я чувствую, как ветер мне в лицо бьёт.

Шумахер замолчал и сделал знак официантке посчитать столик.

– И что? – спросил Бочка.

– И всё, – пожал плечами Шумахер. – Что тут ещё может быть? Утром дома проснулся и помню только то, как летал. Вечером Каин позвонил. А через два дня ты приехал, и я вас сразу познакомил. Дальше ты знаешь.

– Почему не рассказывал? – поинтересовался Бочка. – Каин запретил?

– Нет, он об этом вообще больше не говорил. – Шумахер расплатился, оставив щедрые чаевые, и извиняющимся тоном закончил: – Я думал, он и тебе покажет.

– Город с высоты?

– Ага.

Но не показал. Почти год прошёл, а так и не показал.

Почему?

Они помолчали, а затем Бочка спросил:

– Зачем ты мне об этом рассказал?

– Затем, что ты – мой друг, – медленно ответил Шумахер, вновь переводя взгляд на улицу. – И только ты имеешь право знать, что тогда, будучи с Каином на кладбище, я дико, невероятно сильно перепугался.

И Бочка понял, что дело не только в Свете. Да, девчонка – лакомый кусочек и украсит шабаш, но Шумахер хочет проявить самостоятельность, чтобы показать, что не боится Каина. В первую очередь – показать себе.

А значит, ни за что не отступит.

* * *

Вода была холодной, невыносимо холодной, но на удивление приятной. От её холода не дрожало тело и не сводило ноги. Не появлялось желания выбежать на берег и сильно, до красноты, растереться полотенцем. Или принять грамм сто согревающего. Её холод не превращался в тепло, как это бывает с замерзающими, не убаюкивал подлю, чтобы убить, а про-

должал леденить, показывая своё истинное лицо. Тёмная в ночи вода не лгала, оставаясь такой, какая есть, а холод вымораживал то, что ей не нравилось – черноту. Потому что сейчас, в ночи, вода хоть и казалась тёмной, но оставалась прозрачной и пронзительно чистой.

Чистой и очень спокойной.

И стоящая в воде Криденс была очень спокойной.

Девушка по пояс зашла в Байкал, чуть развела руки, поглаживая ладонями холодную воду, а затем выпрямилась и замерла, зачарованная уходящей в небытие сибирской ночи лунной дорожкой. И стоящий на берегу Феликс знал, что не должен, что не имеет права нарушать идиллию её омовения в холоде воды и холоде света. Он мог лишь любоваться красотой своей женщины и ждать. И чувствовать холод истинно чистой воды, но не так, как ощущала его Кри.

Его холод мог убить.

Они стояли совсем рядом, но в разных водах.

Он слышал её дыхание.

Она – биение его сердца.

Он знал, что если останется в своей воде – холод его не убьёт. А перейти в другую воду он не мог.

Она знала, что её холод не спасёт. Ни в её воде, ни в другой.

И они оба знали, что невыносимый холод пронзительно чистой воды подарил им несколько минут. В которые они будут чувствовать друг друга. Стоя в разных водах.

– Спасибо, что взял меня с собой, – тихо сказала Криденс, прижимаясь к Феликсу.

Она стояла на самой линии воды, и он – на самой линии воды. Обнимая Кри обеими руками.

– Здесь удивительно хорошо, Лекс, ты подарил мне капельку счастья. Снова.

Он приготовил миллиарды слов для неё, но все они были произнесены его руками. Его слезами. Его болью... которую очень мягко убивал холод прозрачной воды.

Ведь холод у них был разным.

Теперь.

Теперь... они по разные стороны воды.

– Если ты хочешь остаться со мной, ты должен меня отпустить.

Он вздрогнул, на мгновение боль его души победила холод, чуть не заставила сказать то, что нельзя, но лунная дорожка добралась до линии вод и всё вокруг заблестело ослепительными искрами. И рассыпалось на них, когда искры стали брызгами чистой воды.

Всё вокруг исчезло в них.

Потому что минуты истекли.

Феликс открыл глаза, полежал, молча глядя в потолок, затем бесшумно поднялся, взял со стула одежду и вышел из комнаты. Из дома. Прошёл по территории базы и остановился на берегу, в том самом месте, где несколько минут назад обнимал Криденс. Остановился у линии воды. Чувствуя только свой холод.

Потому что сейчас стоял один.

Остановился и прошептал:

– Я люблю тебя.

Один раз. Ведь больше не надо. Потому что эта фраза достаточна и полна.

– Я люблю тебя.

И потом долго стоял и смотрел на бескрайний, священный во всех мирах Байкал.

А Байкал смотрел на него.

11 лет назад, август

А существуют ли случайности?

Да, те самые, знаменитые случайности, на которые мы так часто и так много списываем. Я не говорю о стечении обстоятельств – меня интересует случайность поступка.

«Я не хотел, но сделал».

«Я понимал, что поступаю плохо, но что-то меня побудило...»

«Я не могу это объяснить».

«Это вышло случайно».

Случайность.

Под алкоголем или наркотиками. Под воздействием внезапного импульса. Под воздействием чувств. В состоянии аффекта. Не помня себя от ярости... ревности... ненависти... Когда голова затуманена и мы действуем... глупо? безрассудно? безумно? А потом говорим, что сами не понимаем, как всё получилось.

Случайно.

Так существует ли случайность поступка? Или мы постепенно, день за днём, всей своей жизнью подбираемся к нему, потому что где-то в глубине души всегда рассматривали такой поступок как один из возможных? И что-то в глубине нас всегда было готово пойти на подлость и даже убийство. Всегда было готово. Пряталось... ведь чёрное не любит выходить на свет, знает, что от него попробуют избавиться... поэтому пряталось, терпеливо дожидалось подходящего момента, а до него – мягко превращало в чёрное всё вокруг. Всё, до чего могло дотянуться в твоей душе. А потом неожиданно сходитесь: обстоятельства, окружение, эмоции... и достаточно черноты внутри. Ты уже не просто готов – ты заряжен, и делаешь то, чего никогда бы не сделал.

Но так ли это?

Действительно ли ты этого не хотел?

Действительно ли случаен поступок, разделивший жизнь на «до» и «после»?

И можно ли его исправить?

Об этом ты думаешь, когда открываешь глаза и понимаешь, что совершил нечто невыносимое.

Случайно.

И не важно, орёшь ли ты благим матом или переживаешь молча – тебя обязательно разрывают эмоции. Ты кричишь, что не хотел – хоть во весь голос, хоть беззвучно. Ты захлёбываешься в ужасе от содеянного и твердишь, что всё получилось случайно. Ты думаешь только о том, как бы повернуть время вспять. Тебе очень плохо.

А потом голова становится холодной и появляется первая здравая мысль: ты сделал – что дальше? Ответ на этот вопрос станет одним из главнейших решений в жизни: примешь ты себя нового или начнёшь с ним войну? А если начнёшь – сможешь ли одержать победу?

А если примешь – то кем станешь?

///

– Сука!

В общем, к этому всё шло...

До Ольхона они добрались засветло, к парому – в сгущающихся сумерках. По дороге нигде не задерживались, придя в Хужир, расплатились с лодочником, перенесли вещи

в машины и уехали. Доктор, Зебра и Рина – в «Рајего», Кейн и Кислый – в «девятке». При этом Кейн и Кислый вернулись на Ольхон чуть раньше, чтобы не встречаться с лодочником.

В дороге Доктор и девушки почти не общались, лишь изредка обмениваясь короткими фразами «по делу», а на пароме Доктор даже из машины не вышел, остался за рулём и не вылезал из смартфона, лишь изредка бросая взгляды на стоящих у борта спутниц. Не рядом стоящих, а на дистанции, которую они, сознательно или нет, держали: не менее двух метров. И даже парой фраз не перекинулись.

У «Narat's», что в Черноруде, остановились – таким был уговор. Доктор аккуратно завёл «Рајего» на пустую парковку – в воскресный вечер туристы игнорировали паб, стремясь поскорее добраться до дома, и поставил рядом с «девяткой». Кейн и Кислый ждали их на улице, курили возле машины, но даже в лицах не изменились, увидев друзей. Даже взглядом не поприветствовали. Доктор же спокойно вышел из внедорожника, подошёл, яростно выкрикнул:

– Сука!

И с размаху ударил Кейна в скулу. Не очень точно, но сильно. Кейн дёрнулся, его повело в сторону, однако на ногах он устоял и молча бросился на противника. Доктор тоже перестал кричать и некоторое время они прыгали по пыльной парковке, пытаясь достать друг друга дальними ударами. Получалось не очень. И не только потому, что ни один из соперников не был особенно сведущ в единоборствах, но и потому, что они больше внимания уделяли защите: отскакивали, уклонялись и блокировали выпады, не желая пропускать удары. А примерно через минуту после начала сражения дистанция между ними внезапно сократилась – отступая, Доктор споткнулся, а Кейн, вместо того чтобы ударить, вдруг резко сблизился, вцепился в Доктора, и они, крихтя, принялись... В этой стадии глупых уличных драк чрезвычайно трудно разобраться, что именно противники пытаются сделать. Возможно, надеются повалить врага на землю, оказаться сверху и начать молотить кулаками; возможно, просто повалить на землю, а там что получится; возможно всё. Но поскольку силы соперников были примерно равны, Доктор и Кейн просто ёрзали, вцепившись друг в друга – красные от натуги, шумно дышащие, злые.

Что до их спутников, то они отнеслись к происходящему достаточно индифферентно. Не было пошлых криков «опомнитесь!», «остановитесь!», не было попыток разнять драчунов или поучаствовать в драке. На глазах Зебры блеснули слёзы, губы шевелились, словно девушка беззвучным шёпотом умоляла друзей прекратить сражение, а руки нервно теребили толстовку, которую Зебра хотела надеть, выйдя из машины. Рина наблюдала за происходящим равнодушно. Кислый – тоже. И именно к нему обратился вышедший на улицу бармен.

– Хочешь, я полицию вызову?

– Зачем? – Кислый достал из кармана пачку сигарет и жестом предложил бармену.

Тот отказался и объяснил суть своего нехитрого предложения:

– Ну, разнимут их.

Становиться участником стычки, особенно учитывая безучастное поведение спутников дерущихся мужчин, бармен счёл излишним.

– Пока менты приедут, ребята уже закончат, – хмыкнул Кислый, пуская облако дыма. – Разнимать некого будет.

– Помиряются?

– Конечно. Они почти братья.

– А дерутся почему?

– Из-за женщины, – ответил Кислый и поймал себя на мысли, что ответил предельно честно.

– Любовь?

– Ага. Сейчас выяснят отношения и помиряются.

Мимо проехала пара автомобилей, пассажиры которых с интересом поглядели на мнувших друг друга мужиков.

– Вы мне всех клиентов распугаете, – посетовал бармен, несмотря на то, что автомобили явно не собирались останавливаться у придорожного паба. – Есть будете?

– Поедим, – кивнул Кислый. – Голодные все, с обеда не жрали.

– Может, начать готовить?

– Им ещё умыться надо будет.

– Пиво холодное есть? – спросила Рина.

– Для тебя, красавица – самое холодное.

Бармен приятно улыбнулся девушке, однако реакции на лёгкий, ничего не значащий флирт не последовало.

– Наливайте.

– Какое?

– Любое светлое.

– И мне, – добавил Кислый.

– И мне, – вздохнула Зebra. И тут же спросила: – Но ведь мы их подождём?

– Не заблудятся, – отрезала Рина и направилась к дверям паба.

И действительно – не заблудились.

Кейн и Доктор вошли в зал минут через пять. Молча сходили в уборную – разумеется, по очереди, привели себя в порядок, затем уселись за столик – далеко друг от друга, и принялись изучать меню.

– Ты уже можешь есть? – негромко спросил Кислый у Зебры.

Девушка сделала глоток пива, перехватила внимательный взгляд Доктора, после чего ответила:

– Я попробую. – И вздохнула.

Пообедать у неё не получилось – съеденное тут же возвращалось обратно, поэтому Зebra, в отличие от остальных, на еду не набросилась, а стала аккуратно откусывать, медленно пережёвывать и делать паузы между кусочками, прикидывая, что происходит внутри.

– Выпей водки, – равнодушно посоветовала Рина. – Дальше само пойдёт. Или в одну сторону, или в другую.

Несколько мгновений Зebra изумлённо смотрела на подругу, после чего спросила:

– Ты серьёзно?

– Конечно.

– Как ты можешь так говорить?

– Заколебалась смотреть на твой выпендрёж.

– Это не выпендрёж.

– Тебе виднее.

– Рина!

– Что?

Зebra оглядела мужчин, задержав взгляд на Докторе, а когда поняла, что ни один из них не станет ругаться с Риной, продолжила:

– За что ты так со мной?

– Я просто предложила тебе расслабиться. Как вчера.

Зebra резко отставила тарелку, вскочила и бросилась к туалету. Судя по звукам, её опять вырвало.

– Заболела? – спросил из-за стойки бармен.

– Перепила вчера, – грубовато ответила Рина.

– Весёлый вечер?

– Обхохочешься.

Теперь она обвела мужчин взглядом, но с тем же, как перед этим у Зебры, результатом: никто её не поддержал, не стал уточнять, как именно им было весело. Повисшая пауза показала бармену, что развивать тему не следует, и он перешёл на деловой тон:

– Что-то ещё заказывать будете?

– Нет. – Доктор, съевший всего две из четырёх заказанных бууз, поднялся, подошёл к стойке и попросил: – Посчитайте.

– За всех?

– Да.

– Мне твои подачки не нужны, – грубо бросил Кейн.

– На телефон положишь.

– Пошёл ты!

– Как хочешь. – Доктор протянул бармену крупную купюру: – Это за всех, кроме скандалиста, сдачу оставь себе.

И вышел на улицу.

Рина тоже поднялась, и к ней присоединилась вышедшая из туалета Зебра. Кейн и Кислый остались за столиком, с интересом наблюдая за развернувшейся у машин перепалкой: Рина что-то сказала Зебре, та в долгу не осталась – ответила, а Доктор закурил и демонстративно отвернулся, разглядывая дорогу. Затем Рина вытащила свой рюкзак и положила его на капот «девятки». Доктор попытался ей что-то сказать, убедить, но Рина ответила столь яростно и, по всей видимости, грубо, что на лице Доктора отобразилась абсолютная беспомощность. Зебра заплакала.

Рина закончила короткий монолог, развернулась и направилась к бару, оставив рюкзак на капоте «девятки». По дороге закурила.

Доктор посадил плачущую Зебру в машину, и внедорожник резко выехал с парковки.

Занавес.

– Как думаешь, у нас получилось? – спросил Кислый, разглядывая курящую на улице Рину. Вслед уехавшим друзьям девушка не посмотрела ни разу.

– Почему спрашиваешь?

– Потому что раньше Рина такой не была.

Кейн помолчал, обдумывая слова приятеля, потом вздохнул и медленно произнёс:

– Я уверен, что у нас получилось, Кислый. Даже думать не хочу, что всё было зря.

13 августа, суббота

На Ольхон опускался тихий, спокойный и очень мягкий летний вечер.

Откуда-то слева, из центра Хужиры, слышалась музыка. Иногда – особенно громкие взрывы смеха и весёлые голоса, но звуки именно долетали – едва-едва, поскольку шумные отдыхающие находились далеко от базы, на которой остановились Феликс и Сергей. Здешние же гости предпочитали ложиться пораньше, на территории царила тишина, поэтому в домике друзья не остались – прихватили что нужно и расположились в отдалённой, стоящей у воды беседке, где и повели неспешный разговор. Втроём повели: узнав, что Сергей приехал на Ольхон, «на огонёк» заглянул Егор, участковый «с того берега», как в шутку представил старого друга Сергей. Утром – «Если будет погода, это ведь Байкал!» – полицейский пообещал отвезти друзей в Большое море, поэтому остался ночевать на Ольхоне.

Но Егор приехал вечером. Днём же друзья вдвоём объездили всю западную часть острова. Получили разрешение на посещение заповедника и направились на самый север, сначала по степи, остановившись полюбоваться на белый Едор, затем углубились в лес – главное испытание для тех, кто решил забраться на самый кончик Ольхона, поскольку ведущая через него дорога представляла собой первоклассную коллекцию рытвин самого разного вида и предназначения: от мелких, едва заметных, заставляющих едва подпрыгнуть в кресле, до здоровенных, способных гостеприимно проглотить подготовленный внедорожник и выплюнуть его, пережёванным, на обочину. Вместе с раздолбанной в хлам подвеской. Однако красота северного Ольхона стоила того, чтобы преодолеть все рытвины леса – красивейший Саган-Хушун, знаменитый легендой о трёх братьях; Шунтэ-Левый, который многие называют мысом Любви; и, конечно же, Хобой, самый северный, наблюдающий за тем, как Малое Море выходит в Большой Байкал. На величественный простор, которым можно любоваться бесконечно.⁸

Обратно приехали в сумерках, встретили Егора, поужинали и перебрались в беседку – негромко, никому не мешая, беседовать. Сначала обо всём на свете: машины, охота, рыбалка, «китайцев в этом году опять мало приехало...» Затем, и как-то очень плавно, перешли к байкальским тайнам. Вербин упомянул, что видел странный сон – без каких-то подробностей, Сергей тему поддержал, Егор добавил, и завертелся разговор о том, что видели сами или друзья, словам которых Егор с Сергеем абсолютно доверяют. Разговор о тайнах, которых не просто много – они повсюду, и не поговорить о них – всё равно что молча посидеть. Феликс давно перестал удивляться тому, что простые на первый взгляд байкальские скалы, ущелья, поляны могут оказаться местами силы или сценой для древней легенды. И уж тем более его не смущало спокойствие, с которым друзья смешивали нереальное с повседневностью – ведь именно так достигается гармония того, что есть сейчас, с тем, что было всегда.

Да и сами рассказы – основанные на реальных событиях! – вызывали у Феликса искренний интерес. Ведь он понимал, что собеседникам нет нужды лгать: он не турист, они не гиды. Они просто рассказывали то, что знали.

– В общем, там если прямую линию провести – упрёшься в распадок, в котором когда-то было кладбище. Не христианское, старое кладбище. А поскольку преграды никакой нет и выход из распадка удобный, вот мертвецы и балуют.⁹

– По ночам ходят? – уточнил Феликс.

– И по ночам тоже, – подтвердил Сергей. – Но важно то, что ходят, и все знают, что там – плохое место, одно из таких, какие стороной обходят, но бизнесмены упёрлись, сказали, что место для их целей отлично подходит и строительство всё-таки затеяли. Их тоже понять

⁸ Едор – небольшой остров в проливе Малое Море.

⁹ Распадок – мелкая, плоская ложбина.

можно: во-первых, прямо у дороги и от Иркутска недалеко; во-вторых, посёлок большой рядом, и других больших и приличных точек для всяких там дискотек в нём нет, то есть можно легко центровыми стать; в-третьих, землю взяли выгодно. Короче, сказали шаману, что всё понимают, но тут – деньги, и построились.

– Спокойно построились? – поинтересовался Вербин. – Без эксцессов?

– Построились спокойно, – кивнул Сергей. – Не знаю, как так получилось, но проблем во время строительства у них не возникло. Или я о них не слышал. Зато потом началось по полной программе: как большое гулянье, так или драка серьёзная, не просто помахать, а с увечьями, или поножовщина, а за ней – труп. Люди на ровном месте в бешенство приходили, стоит что не так сказать – мгновенно зверели.

– Это всё «синька», – буркнул Егор.

– Водку везде пьют, – пожал плечами Сергей. – И везде по пьяни в драку лезут, но в том отеле статистика совсем дурная была. А главное, там люди пропадали...

– Прямо в номерах? – не понял Феликс.

– До номеров, вроде, не доходило, но народ реально пропадал, – серьёзно ответил Сергей. – Выходит компания покурить на улицу, пьяные, конечно, ну, или поддавшие как следует... В общем, тёплые... Стоят трещат о том о сём, всё у них в порядке. Потом докурили, собираются за стол возвращаться, а кто-то остаётся... то ли ещё покурить захотел, то ли позвонить ему надо – не важно зачем. Остаётся, в общем, а остальные уходят. – Сергей помолчал. – Так вот, если за столом оказывается кто-то знающий или не слишком пьяный и замечает, что после перекура не все вернулись – есть шанс человека спасти. Только нужно сразу подрываться и бежать на поиски. Девчонку одну так вытащили: подруга увидела, что её нет, и заставила парней на улицу вернуться.

– И что?

– Нашли примерно в километре от отеля, почти замёрзшую – зимой дело было...

– В километре? – удивился Вербин. – Куда она пошла?

– Она не знает, – пожал плечами Сергей. – Говорит, курила, со всеми не ушла, потому что ей позвонили, а кто позвонил – не помнит, поговорила, убрала телефон, смотрит – девушка какая-то стоит, незнакомая, но приятная. Сказала что-то неразборчиво, повернулась – и стала в сумерки уходить, а наша за ней пошла, как под гипнозом, потом устала и присела отдохнуть. Когда нашли – она уже засыпать начала. А есть те, которых не нашли. Ну, в смысле, вовремя не нашли, потом только, когда поздно стало.

– И как это объяснить? – тихо спросил Феликс.

– Я с самого начала всё объяснил, – хмыкнул Сергей. – С объяснения начал.

– Место такое, – взял слово Егор. – Там строить ничего нельзя и людям лучше не появляться.

– Из-за кладбища?

– И из-за него тоже. – Егор взял из тарелки кусочек сыра. – Где-то – из-за старых захоронений, где-то живёт кто-то, кто чужих не любит. По-разному бывает. Наука такие вещи старается не замечать, потому что объяснить не может, но опыт показывает, что не замечать их не получается – себе дороже выходит.

– Нужно проявлять уважение, – протянул Феликс.

– По большому счёту, этого вполне достаточно, – согласился участковый. – Здесь поговорка «Что посеешь – то и пожнёшь» работает на все сто процентов, без осечек. Как себя покажешь, так с тобой и обойдутся.

Жёстко, но абсолютно оправданно: терпеть хамов и подонков учат хамы и подонки, нормальные, уважающие себя люди ставят наглцов на место. А если те не понимают – ставят так, чтобы поняли. С другой стороны, у любого человека есть право на ошибку. Чем бы она ни была вызвана: глупостью, склочным характером, упрямством – ошибиться может каждый. Важно,

чтобы человек осознал, что натворил, раскаялся и тем получил право на прощение. Не обязательно на само прощение, но право на него у человека есть.

– Бизнесмены пробовали исправить ситуацию? – поинтересовался Вербин.

Сергей хотел ответить, но Егор его опередил:

– А здесь никак не исправишь. Они ведь никого не обидели, просто построились там, где не следовало. – Поймал выразительный взгляд Сергея и развёл руками. – Ну, извини.

Они были совсем разными: Сергей – плотно сбитый, мощный, дышащий силой; Егор – жилистый, сухой, быстрый, темноволосый, в отличие от бритого наголо Сергея... Они казались противоположностями, но тем не менее чем-то неуловимо походили друг на друга. Феликс долго не мог понять, чем именно, и лишь сейчас сообразил: «вес пера» и «первый тяж». И укорил себя за то, что не сразу среагировал на едва заметные, но характерные движения бывших боксёров.

– В целом, всё так – прощения просить бизнесменам было не за что, но они пытались разрулить ситуацию, – вернул себе слово Сергей. – Через какое-то время, когда среди местных об отеле пошла не очень хорошая слава, бизнесмены опомнились и прибежали к шаману, мол, помоги. Тот в отказ: я предупреждал. Они к другим шаманам – с тем же успехом, позвали священника, привезли из Иркутска, так он даже из машины не вышел. Огляделся и спросил: «Вам говорили здесь не строить?» Бизнесменам деваться некуда: «Да, говорили». Батюшка в ответ: «Вот и не надо было строить». И уехал.

– Не помог?

– Егор правильно сказал: там помочь невозможно. Там место такое – строить нельзя.

– И что с отелем теперь?

– Работает потихоньку, но раскрутиться, как планировали, у владельцев не получилось. Да и сменились они уже. Прежние, кто всё затеял, из бизнеса вышли. Новые ковыряются, но что-то мне подсказывает, что они от приобретения не в восторге.

Егор согласно кивнул.

– И как это объяснить? – продолжил Феликс.

Сергей несколько мгновений внимательно смотрел на друга, пытаясь вспомнить недавний разговор, и медленно ответил:

– Я тебе уже два раза всё объяснил. Других вариантов нет.

– А-а. – Вербин потёр лоб. – Тогда понятно.

– Короче, с научной точки зрения это не объясняется никак, – добавил Егор. – И для многих это означает, что объяснений нет, есть только совпадения. Остальные прислушиваются и стараются не нарушать правила, которые были сформированы ещё до того, как люди перестали искать друг у друга в шерсти и слезли с деревьев.

Участковый улыбнулся и налил в стопки местный, настоящий на травах, шестидесятиградусный самогон, который гнал хозяин базы. Пахучий и очень мягкий напиток, который Вербин с Сергеем распробовали ещё по приезду. Дни стояли тёплые, но, когда солнце скрывалось, у воды становилось прохладно, и крепкий, но в разумных дозах, самогон прекрасно дополнял длинные вечерние беседы.

– И много здесь таких мест? – поинтересовался Феликс.

– Встречаются, – пожал плечами Сергей. – Я ведь рассказывал.

– Ну, да...

– Не веришь? – прищурился Егор.

– Трудно сказать, – честно ответил Вербин. И сразу – мгновенно – вспомнил Криденс, обожавшую подобные истории. Ей на Байкале было бы раздолье. – С одной стороны, я человек прагматичный и практичный, да и работа не позволяет увлекаться фантазиями. С другой, у меня нет оснований вам не верить. Вы ведь рассказываете то, что сами видели.

– Или слышали, – не стал скрывать Егор. – Но мы хорошо фильтруем сплетни, потому что знаем, что могло быть, а что – нет.

– Основываясь на опыте?

– На опыте и знаниях. Далеко не всё, что тут рассказывают – правда. Но при этом далеко не всё, что тут рассказывают – сказки. – Егор помолчал. – Тут недалеко, по западному берегу Байкала, есть мыс Рытый. Завтра увидишь, будем мимо проходить. Там по ущелью течёт река – Рыта, но до Байкала она не добирается, в камнях исчезает. Как говорят – уходит в Холодный мир. Так вот, мыс этот – место очень серьёзное и жёсткое, а в ущелье даже шаманы не ходят.

– Потому что нельзя?

– Потому что нельзя, – подтвердил участковый. – По преданию, давным-давно здесь духи бились крепко, и хозяин мыса одержал победу. Он очень силён и не любит, когда его беспокоят.

– Насколько не любит?

– Крепко наказывает, – буркнул Сергей. – Поэтому на мыс Рытый стараются лишний раз не ходить. И не лишний – тоже.

– Через ущелье есть путь к верховьям Лены, – продолжил Егор. – Лет пятнадцать назад двое учёных из Москвы захотели до них добраться, но чтобы обязательно через мыс. Что-то им прям захотелось по ущелью пройти. С ними трое местных отправились, все мужики опытные, знающие. До мыса дошли на корабле, но как стали подходить – двигатель глохнет. На ровном месте затыкается и молчит. Починили кое-как, подошли, трап скинули, а он упал – соединение сломалось... Такое вот совпадение. Им уже тогда сказали: вас тут не ждут. Но мужики упрямые попались, на лодке высадились и пошли как хотели: по ущелью к верховьям Лены.

– Нормально прошли?

– Нормально прошли, – кивнул Егор. – А когда добрались до Сети и стали звонить родным, узнали, что в тот день, когда они вошли в ущелье, у обоих москвичей и одного иркутянина дома собаки умерли. – Участковый помолчал. – Не старые. Здоровые. Просто легли и умерли. Одновременно.

– Это точно?

– Я лично говорил с Эриком – это иркутянин, и у меня нет оснований ему не верить. Да и кто будет о таком лгать?

– Пожалуй, – протянул Вербин. Он прекрасно понимал, зачем о таком лгать, но и подвергать слова участкового сомнению не стал. – А что с остальными?

– А остальные в течение года погибли, – ровным голосом ответил Егор. – И это, поверь, тоже точно.

– Гм... – Феликс посмотрел на Сергея.

Тот едва заметно пожал плечами.

– Эта история общеизвестна?

– Да. Её никто не скрывает.

– И как... как на неё среагировали?

– Как обычно: кто-то сказал – совпадение, кто-то убедился, что на мыс лучше не ходить. Ну, не на сам мыс, а в ущелье. По берегу, вроде, ходить можно, но только не женщинам. Хотя люди и сам мыс стараются обходить стороной – мало ли? – Егор разлил последний самогон по стопкам и улыбнулся: – Странно, что ты не веришь в необычное, Феликс, ты же ловил Кровососа.

– Он оказался просто убийцей, – спокойно ответил Вербин.

– Просто?

– В том смысле, что он – обыкновенный человек. Только зверь.

– Необычное поведение для зверя.

– Что ты имеешь в виду?

– Завалил кучу народа, а затем покончил с собой, – объяснил участковый. – Звери так не поступают.

Да, звери так не поступают. И те двое, которые были названы Кровососом и обвинены в убийствах, действительно имели к ним отношение. Прямое отношение. Но самый хитрый зверь остался в тени. Однако говорить об этом Феликс не мог – доказательства отсутствовали. А языком трепать он не любил.

– Там ведь даже летучие мыши были, – рассмеялся Сергей.

– Постановка, – вздохнул Вербин. – В ходе расследования ничего сверхъестественного обнаружено не было.

– А ты бы сказал?

– Почему нет? Дело ведь закрыто. – Они выпили по последней, и Феликс закурил. – Что у нас завтра?

– Встретимся у Шаманки, там на катер сядем и пойдём по Малому Морю в Большой Байкал.

– Ты этот поход никогда не забудешь, – пообещал Егор. И добавил: – Если погода будет.

– А в понедельник с утра – в Иркутск.

– Звучит неплохо, – рассмеялся Вербин. – Я имею в виду первую часть, конечно.

Потому что на Ольхоне хотелось быть и быть...

* * *

– Поверь – скучно не будет, – прошептала Ангелина, с улыбкой разглядывая смущённую Свету. – Ребята у нас весёлые, заводные...

– В каком смысле? – насторожилась Света.

– Во всех, – не стала скрывать Ангелина. – Но ты ни о чём таком не думай, тут правила чёткие: не хочешь – как хочешь. Каин сказал, что всё только добровольно, а перечить Каину даже Шумахер не станет.

– Кто это – Каин?

– Наш лидер, он тут всем заправляет.

– Его сегодня не будет, но если останешься – познакомишься, – вступила в разговор Кристина. – Поверь, он классный.

– Ещё какой, – поддержала подругу Ангелина. И хихикнула, видимо, вспомнив что-то очень приятное.

Света же тяжело вздохнула.

В происходящем ей не нравилось приблизительно... всё, и девушка корила себя за то, что поддалась на уговоры Ляпы и согласилась явиться на этот косплей-карнавал-шабаш с совершенно незнакомыми людьми. Которые то и дело повторяли: «Только по желанию...», что тоже изрядно нервировало.

Если «только по желанию», то зачем это сто раз подчёркивать?

С другой стороны, участники действия вели себя сдержанно, скабрёзных шуток или пошлых намёков не допускали, держались спокойно, дружелюбно, но чуть нетерпеливо, как люди, ожидающие начала чего-то весьма интересного и приятного. «Старых» участников оказалось шестеро: уже знакомые Свете Бочка и Шумахер, их девушки, во всяком случае, Света решила, что Ангелина и Кристина их девушки, и ещё одна пара – Игорь и Юлия, которые сразу же присоединились к парням. А Свету взяли под опеку девушки.

Но если собравшиеся люди пока – пока! – производили приятное впечатление, то место, в котором предполагалось провести косплей-карнавал-шабаш, вызвало у Светы лёгкую оторопь. Оно находилось в подвале унылого пятиэтажного дома, затерявшегося среди себе подобных. Сначала отдельный вход преграждала самая обыкновенная, деревянная, обитая жёстью

дверь. За ней находился небольшой тамбур, и чтобы оказаться в помещении, требовалось пройти через следующую дверь – мощную, современную, с глазком и двумя непростыми замками.

И уже за ней находился зал.

«Для косплея? Да, какой, к чёрту, косплей?!»

И карнавал к чёрту – это был зал для шабашей, и точка. Всё выкрашено в чёрное: стены, пол, потолок... светильники продуманно тусклые, в помещении царит полумрак, хорошо освещена только дальняя стена, на которой нарисована пентаграмма с вписанной в неё головой козла. Над пентаграммой – козлиный череп, а под пентаграммой – плоский чёрный камень, видимо алтарь. Пол деревянный, сухой, в углу свалено несколько матрацев. И всюду человеческие черепа: лежат под пентаграммой, висят возле настенных светильников и смотрят пустыми глазами на собирающихся участников действия.

Ждут.

Заглянув в зал, Света захотела немедленно уехать, но Ляпа оживлённо болтал с парнями, стоя рядом с алтарём, Ангелина с Кристиной увлекли разговором, и потому решила повременить. Оставалась в раздевалке, непонимающе наблюдая за тем, как продолжающие разговор девушки принялись снимать с себя одежду, и окончательно растерялась, когда Кристина протянула ей чёрный шёлковый балахон с капюшоном:

– Надень. И не волнуйся, он чистый.

– Как надеть?

– Обычно его носят на голое тело. – К этому моменту Кристина осталась в одной лишь в футболке, и, отвечая на вопрос, сбросила её, продемонстрировав оторопевшей Свете «как». – Здесь расправляешь, здесь затягиваешь верёвочку, и ты готова к шабашу.

– И снимается легко, – хихикнула Ангелина. – А без балахона в зал нельзя.

– Но я... – Света судорожно подыскивала правильный ответ. – Я ведь гостя.

– Ну, надень на бельё, – подумав, предложила Кристина. – Только остальную одежду снимай, нельзя, чтобы торчали джинсы или кофта.

– А мужчины? – выдавила из себя Света.

– У них точно такие же балахоны. – Ангелина хихикнула. – И носят они их точно так же.

Дело принимало совсем неожиданный оборот. Света вновь выглянула в зал, тихо ойкнула, увидев, что находящиеся там ребята уже переоделись – даже Ляпа! – подумала и решила воспользоваться советом Кристины: сняла всё, кроме лифчика и трусиков, и натянула на себя балахон.

– Тебе идёт, – рассмеялась Ангелина, помогая новенькой расправить капюшон. – Настоящая красотка.

И быстро переглянулась с Кристиной.

///

– И много вас? – поинтересовался Ляпа, глядя на переодевающихся в углу Игоря и Юлю. Особенно на Юлю.

– Не очень, – спокойно ответил Бочка. – Мы, как ты понимаешь, не даём объявления в Интернете. Людей подбираем аккуратно. Точечно.

– А их как нашли?

– Случайно. – Стоящий рядом с Бочкой Шумахер широко улыбнулся. – Но они не столько верующие, сколько свингеры, любители острых сексуальных ощущений.

– Ах, свингеры... – пробормотал Ляпа.

– Какие-то проблемы? – небрежно осведомился Бочка.

– Нет... вроде... нет... – До Ляпы только сейчас дошло, почему при встрече Юля целовала Бочку и Шумахера в губы, а во время разговора с интересом поглядывала на него, ничуть не смущаясь присутствия мужа. – Свингеры...

А затем пронзила неприятная мысль: «А вдруг они знают, что в среду я... звонил Кристине?»

И не только звонил. Девушка сказала, что ей лень выходить из дома, и попросила привезти бутылку вина, потому что вечером ждёт подруг «на поболтать». Ляпа сказал, что ему не трудно, спросил адрес и в результате передача бутылки затянулась на два с половиной упительных часа. О которых, разумеется, он ничего не рассказал Свете.

«Проклятье! Наверняка знают!

Но виду не подают.

Но смотрят так, что никаких сомнений – знают. Но Свете, наверное, не скажут, зачем говорить? Или скажут?»

У Ляпы вспотели ладони.

– У тебя сегодня гостевой пропуск, – сказал Шумахер, глядя парню в глаза. – Принуждения не будет, здесь всё происходит исключительно по доброй воле. Но если произойдёт, то не обессудь, всё будет так, как здесь принято. Понимаешь, что я имею в виду?

– Кажется, да.

– Уверен, что понимаешь.

Будет оргия, не зря же они подчеркнули, что Игорь и Юля – свингеры. Да и Кристина с Ангелиной, судя по всему, совсем не целомудренные особы. Очень бойкие. Весьма умелые... во всяком случае – Кристина. Обещанная оргия манила новыми, ещё неизведанными эмоциями, обещала их, обещала наслаждение на грани, а может, и за нею. Будь Ляпа один, без раздумий принял бы предложение, но Света... Будет оргия, а делиться девушкой Ляпе не хотелось.

«Уйти? А если они скажут Светке? Или Кристина скажет? Или уже сказала?»

Молодой человек понял, что окончательно запутался. И Кристина как раз вышла из раздевалки, высокая, улыбающаяся, в чёрном балахоне, под которым ничего нет. Совсем ничего – выйдя в зал, девушка стала поправлять волосы, поясок развязался и полы балахона распахнулись, открыв обнажённое тело.

Ляпа кашлянул, с трудом заставил себя перестать смотреть на Кристину и спросил:

– А если Света захочет уйти?

– А ты захочешь остаться?

– Наверное...

– Тогда ты сам решишь, что будешь делать, если твоя женщина захочет уйти. – Шумахер выделил голосом слово «твоя». – Но билет на шоу у вас общий.

– Я понял, – кивнул Ляпа. – Понял...

Или остаются вместе, или вместе уходят.

Он бросил взгляд на Кристину, затем на Юлю, она, в отличие от Кристины, даже не стала завязывать балахон, и медленно пошёл к раздевалке.

– Дурак, – очень тихо сказал Бочка.

Шумахер поморщился и в тон ему произнёс:

– Сфотографируешь меня со Светой.

– Ты сдурел? – не сдержался Бочка. – Мы здесь не снимаем!

– Это фотки – только для меня, и чтобы Света знала, что они есть. Иначе она точно больше не появится.

Бочка понял, что Шумахер окончательно закусил удила, угрюмо кивнул и уточнил:

– Но мы ведь их сотрём?

– Главное, чтобы Света знала, что они есть, – повторил Шумахер. – В этом смысл.

А потом можно и стереть – когда всё зайдёт достаточно далеко. Но оставался вопрос – зайдёт ли? Потому что единственное, чего Бочка точно не собирался позволять другу, так это насилие. На этом Бочка стоял твёрдо.

– Ты уверен, что у вас сладится?

– Уверен. – В голосе – ни грана сомнений. – Сейчас этот... дурак... как раз её уламывает. Для меня. И для тебя тоже. – Шумахер улыбнулся и крепко поцеловал подошедшую Кристину. – Ты молодец.

– С Ляпой было неплохо, – промурлыкала в ответ девушка. – И ему явно меня не хватило.

///

– Я не хочу здесь оставаться, – прошептала Света, вцепившись в руку Ляпы. – Не хочу.

– Да почему?

Девушка передёрнула плечами, и её голос стал ещё более нервным:

– Ты что, не понимаешь, что здесь будет?

– Шабаш, – пробубнил парень. – Типа...

– Типа в конце все перетрахаются, как кролики, это же очевидно, – закончила Света. – Я читала про такие шабаша, я знаю! – Она вдруг осеклась, чуть отстранилась, внимательно глядя Ляпе в глаза, и осторожно поинтересовалась: – Или ты этого как раз и хочешь?

– Я...

– Хочешь или нет? – с напором спросила девушка, сжимая его руку очень-очень крепко.

– А ты хочешь? – нашёлся он.

– Что? – опешила Света. И хватка её ослабела.

– Ты давно поняла, что нас ждёт на шабаше, но всё равно приехала, – продолжил Ляпа, глядя своей девушке в глаза. – И даже переоделась.

– Ты тоже переоделся.

– Ну и что?

– То, что я в белье, а ты?

– Я переодевался с мужиками, – выкрутился Ляпа. – Они разделись, и я не мог... не мог по-другому...

– Они действительно настолько важны для тебя?

Света отпустила руку молодого человека и теперь просто стояла рядом. Совсем рядом. Но уже не касаясь его.

– Они... Мы здесь в гостях, – произнёс, после короткой паузы, Ляпа. – Мы просто смотрим, наблюдаем. Если нам что-то не понравится – уходим. Это я тебе обещаю: мы ничего не сделаем, если нам не понравится.

Он выделил «мы» и «нам» и добился того, что девушка вновь его коснулась – положила ладонь на грудь и предложила:

– Давай уйдём прямо сейчас.

– Подождём, когда всё начнётся. Убедимся, что ты права, и тогда уйдём. – Тон парня показывал, что это – единственный компромисс, на который он согласен. – Если всё действительно будет так, как ты говоришь, я здесь не останусь. Мы аккуратно и незаметно уйдём.

– Незаметно?

– Они будут слишком увлечены друг другом.

– Хорошо. – Девушка помолчала. – Почему они важны для тебя?

– Я... я чувствую здесь силу, – ответил Ляпа, развернулся и пошёл к алтарю.

Света вздохнула, положила их рюкзаки и кроссовки у самого края раздевалки, чтобы долго не искать, и медленно побрела в зал, из которого уже доносилась тихая музыка.

Которая постепенно становилась громче.

И проникала всё глубже и глубже. Проникала ненавязчиво, аккуратно, мягко, но неотвратно. И наполняла собой душу. Идеально гармонируя с легчайшим ароматом благовоний, которые Бочка разжёл в курительнице, и молитвой, которую, стоя перед алтарём, громко читал Шумахер. Читал, держа в руке жёлтый лист, возможно даже, настоящий пергамент, хотя Света в этом сильно сомневалась. Читал так, что не оставалось сомнений – не в первый раз. И текст знает наизусть, а пергаментный лист в руке нужен ему для страховки и создания законченного образа.

Впрочем, все сомнения Светы – и в том, что в руке Шумахера настоящий пергамент, как и в происходящем вокруг – постепенно рассеивались. Полумрак, благовония, молитва, музыка, благожелательные взгляды, уверенное обещание Ляпы, что они уйдут в любой момент, когда захотят, мягкие прикосновения окружающих... Атмосфера обволакивала душу нежной мягкостью, убаюкивала обещанием изысканных наслаждений, расслабляла, позволяя принимать чужие улыбки искренними, а чужие прикосновения – ласковыми.

Очень незаметно туманила голову, заставляя считать неважным всё, что мешало принимать происходящее вокруг. Делая важным только то, что здесь и сейчас.

– Сделай глоток!

В руках у Светы вновь оказалась металлическая чаша с густым вином. В первый раз Бочка пустил её по кругу в самом начале церемонии, и тогда девушка, в отличие от остальных, лишь пригубила напиток. И Ляпе не позволила приложиться как следует. Сейчас же она с жадностью припала к чаше и сделала два больших глотка.

«Остановись!»

Голос разума звучал очень тихо, едва угадывался, но тем не менее заставил девушку оторваться от чаши.

«Что я творю?»

Ещё ничего, но душу наполняет предвкушение праздника, упоительное ожидание чего-то совершенно незнакомого... запретного... сладкого... острого... обещающего полную свободу и абсолютное раскрепощение... ради удовольствий...

«Что я творю?»

Слова и музыка продолжают звучать, но после того, как чаша прошла по кругу второй раз, стоящие на коленях адепты, которые до сих пор сохраняли небольшую дистанцию, начали от неё избавляться. Пример подала Юля – тесно прижалась к Игорю, а он мгновенно запустил руку под балахон жены. Причём так запустил, что тонкая ткань балахона собралась выше бёдер Юли. И кроме Игоря, гладить женщину принялся Бочка. Света замерла, а в следующее мгновение почувствовала, что её шею обнимает чья-то тонкая рука, повернулась, увидела улыбающуюся Ангелину, тихонько выдохнула... и ответила на жаркий, очень страстный поцелуй в губы.

«Что я творю?»

Что-то знакомое. Что-то запретное. Что-то сладкое. Что-то острое. Что-то такое, чего нельзя делать, но и нет сил противиться желанию. Слова, благовония, музыка, руки... дерзкие руки... жадные губы... Света не может от них оторваться, не может не обнять Ангелину и видит, как с плеч Кристины спадает балахон и Ляпа впивается губами в тёмный сосок большой груди девушки.

Запретов больше нет. Есть только руки, которые ласкают её тело. Губы для поцелуев. Ещё одни руки... их прикосновения такие нежные... ласковые... ещё одни руки помогают освободиться от балахона...

– Это неправильно... – шепчет Света.

Ангелина расстёгивает на ней бюстгальтер. Света извивается в томлении, выгибается, окончательно погружается в музыку, благовония, слова... путается в них... проваливается в них... в их упоительное обещание... в их восхитительное исполнение... проваливается с головой... чувствуя только негу... вкушает ласки и ласкает сама... И находит себя на алтаре. Запрокидывает голову и утыкается взглядом в чёрные глазницы козлиного черепа. А пентаграмма, кажется, пылает адским пламенем. Козёл смеётся и нетерпеливо требует продолжения.

«Какого продолжения?»

Спрашивает себя Света и слышит голос Шумахера:

– Приветствуем наших новых адептов! Друзей и соратников, готовых встать рядом с нами. Отринувших правила. Презревших законы. Плюющих на крест и отдающих себя нашему Господину!

«Новые адепты? Мы отдаём себя какому-то господину? Что происходит?»

Вокруг все голые и она – голая, распластана на чёрном камне, неприлично разведя в стороны ноги. Распалённая, потная, жаждущая...

«Что... что я делала?!»

Она не помнит. Музыка ещё играет, но уже не радуется. Наполнила душу чёрной отравой и шепчет:

«Расслабься...»

Голые люди подбадривают голого Ляпу, о спину которого трётся женщина... Света не видит, что это за женщина, потому что у женщины голова козла... и у всех на плечах козлиные головы... только у Ляпы ещё нет... у Ляпы, который кладёт руки на её колени, и так расставленные, и медленно разводит их в стороны. Широко разводит. Открывая её полностью. Козлиные головы гогочут мерзости, и охвативший девушку ужас помогает ей окончательно прийти в себя.

– Нет!

Она ногой отталкивает Ляпу, спрыгивает с алтаря, хватается за руку и бежит к выходу из зала. Они бегут. Вместе. Ляпа, к счастью, не тормозит, возможно, решает, что это новая игра. Глаза у Ляпы слегка бешеные, но он бежит, и это важно. Света торопливо сует ноги в кроссовки, подхватывает рюкзаки и толкает Ляпу к двери:

– Скорее!

В ночь, в темноту, пусть голыми – плевать! – лишь бы прочь. Прочь отсюда!

– Зачем?

Он действительно с трудом соображает, иначе бы не задал столь глупый вопрос.

Ей хочется кричать: «Потому что здесь нельзя оставаться!» Но пережитый ужас подсказывает правильный ответ:

– Хочу трахаться на качелях! На улице.

Ляпа глуповато смеётся и бежит следом.

– Стой! – Шумахер, до которого только сейчас доходит, что придуманный им план летит к чертям, громко ругается и бросается следом. – Бочка, держи их!

Они теряют время, чтобы натянуть штаны и кроссовки, и выбегают в ночь на несколько минут позже Ляпы и Светы. В чернильную августовскую ночь. Редкие фонари горят тускло, как светильники в подвале, почти все окна темны и никого вокруг. С одной стороны хорошо, что без свидетелей, с другой – их удивлённые крики или смех указали бы, куда помчались голые беглецы.

– Нужно их поймать!

– Зачем? – удивляется Бочка. – Мы же договаривались – строго по желанию!

– Каин сказал, что все новички должны становиться адептами! Никаких осечек!

– Они будут молчать, – уверяет Бочка, показывая на фотоаппарат.

Но Шумахеру плевать:

– Ты – налево, я – направо. Если что – зови!

Бочка видит, что друг напуган, понимает почему, ругается и подчиняется. И ещё он знает, что от Каина достанется всем, и ругается снова. Бежит вдоль дома, внимательно разглядывая двор, гаражи... Кажется, тень? Или показалось? Они могли спрятаться там? Звать Шумахера рано – он мог ошибиться. В конце концов, ночью вокруг полно теней. Бочка сворачивает с дорожки, продирается через кусты к гаражам, давным-давно поставленным здесь жильцами окрестных домов, оказывается на замусоренной какими-то железяками поляне, спотыкается, ругается громче... и пропускает удар в челюсть.

Подкравшийся из темноты Ляпа бьёт и метко, и сильно, Бочка, может, и устоял бы, но вновь спотыкается и летит на землю.

– Чёрт!

– Беги! – кричит Ляпа Свете и устремляется в проход между гаражей.

– Стой!

Разъярённый Бочка мчится следом, догоняет, пытается толкнуть Ляпу в спину, чтобы сбить с ног, но тот неожиданно меняет направление, резко останавливается и снова бьёт преследователя кулаком в лицо. А поскольку бежит Бочка быстро, второй удар оказывается много тяжелее первого. Бочка вскрикивает и падает на землю. Бормочет что-то, пытаясь справиться с разноцветными кругами перед глазами, трясёт головой, даже смеётся, а когда приходит в себя – видит сидящего на корточках Шумахера.

– Ты как?

– Он. Меня. Вырубил. – Бочка пытается подняться, но его ведёт, и он вновь усаживается на землю. Нокаут. – Надо передохнуть.

– А побежали они куда?

Бочка долго обдумывает вопрос, после чего с прежней медлительностью сообщает:

– Они. Побежали. Потом.

Имея в виду – после того, как вырубил его, а значит, он ничего не видел.

Шумахер ответ понимает, сплёвывает, встаёт и в бессильной злобе бьёт ногой землю. Голова у Бочки кружится не переставая.

О том, что он потерял фотоаппарат, Бочка вспомнил только в полдень – когда проснулся. И то не сразу, потому что голова болела дико.

11 лет назад, декабрь

Время...

Оно убивает тело – каждым шагом секундной стрелки, каждой сменой дня и ночи, каждой новой весной. Вечны лишь пирамиды – их время боится, а всё остальное однажды обратится в прах. И никто не знает, когда случится то самое «однажды», когда живое потеряет своё название и свой смысл, обратившись в горсть гниющей протоплазмы. Об этом моменте стараются не думать, потому что нет ничего хуже, чем знать, когда «однажды» наступит. Но никто о нём не забывает.

О том, что время – убивает.

Безжалостно и хладнокровно.

И оно лечит – душу, притупляя пережитое, окутывая даже самую острую боль ватным одеялом повседневности. Плотным, тяжёлым одеялом с миллиардами оттенков чувств: от чёрных до нежно-бирюзовых, цвета безоблачного неба. И ты теряешься в калейдоскопе этих ярких лоскутков, в коротких, быстро меняющихся эмоциях, из которых состоит наша жизнь, путаешься в них и так возвращаешься к привычной жизни. Другим, но возвращаешься.

Время – лечит. И только самые сильные чувства способны прорваться сквозь его ватное одеяло и навсегда остаться с тобой – до того самого мгновения, до «однажды». До того, как время заберёт своё.

В большинстве своём с нами навсегда остаются самые радостные, счастливые и весёлые воспоминания, те эмоции, благодаря которым за спиной выросли крылья и казалось, что тебе всё по плечу. Абсолютно всё. И, наверное, так и было. Не забывается биение сердца, когда в ответ на признание ты слышишь: «Я тебя люблю»... не забывается взгляд, от которого всё внутри замирает... не забывается прикосновение, почувствовав которое ты понимаешь, что живёшь для того, чтобы любить...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.